МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Льститъ Домитіану, который поручилъ ему воспитывать своихъ племяниковъ. Потомъ увѣдомляетъ, о чемъ будетъ предлагать въ трехъ слѣдующихъ книгахъ.

Я окончилъ третію книгу сочиненія, тебѣ, Марцеллъ Викторій, посвященнаго, и совершилъ уже почти четвертую часть предпріятаго труда, какъ открылась новая причина быть тщательнѣйшимъ, и болѣе безпокоиться, какое будетъ общее одобреніе. Ибо доселѣ что̀ я ни писалъ, какъ будто бы между нами только оставалось: и хотя бы наставленія мои не заслужили отъ другихъ одобренія, но мы, кажется, были бы довольны домашнимъ употребленіемъ оныхъ, поелику почитали ихъ и для твоего сына и для моего полезнымъ. Когда же Императоръ Домитіанъ поручилъ племянниковъ своихъ моему по-

печенію, тогда не умѣлъ бы я цѣнить небеснаго обо мнѣ суда, если бы тѣмъ самымъ не сталъ измѣрять великости бремени. И дѣйствительно, какое попеченіе долженъ я приложить о назиданіи нравовъ, дабы достойно заслужить одобреніе отъ самаго строгаго блюстителя нравственности? Какія преподать наставленія въ наукахъ, дабы оправдать обо мнѣ мнѣніе Государя, какъ во всемъ прочемъ, такъ и (*) въ краснорѣчіи превосходнѣйшаго? Ежели самые великіе Стихотворцы не только при началѣ своихъ твореній часто Музъ призывали, но и въ послѣдствіи труда, встрѣтивъ мѣста, превосходящія силы ихъ, снова съ мольбами къ нимъ обращались: то и мнѣ, безъ сомнѣнія, не причтется въ вину, когда нынѣ, чего прежде не сдѣлалъ, призову всѣхъ боговъ, и вопервыхъ (**) того, который ученіе болѣе другихъ любитъ и покровительствуетъ: да вдохнетъ мнѣ столько же ума, сколько возъимѣлъ надежды на меня, да будетъ мнѣ благопріятенъ и милостивъ, и да содѣлаетъ меня таковымъ, каковымъ найти полагалъ.

(*) Транквиллъ пишетъ, что Домитіанъ дѣянія отца и брата своего изложилъ стихами, и оставилъ нѣкоторыя историческія записки.

(**) Сіе показываетъ, коль слаба добродѣтель языческая. Квинтиліанъ, при всей своей добродѣтели, чтитъ, какъ бога, такого государя, который, по сказанію всѣхъ историковъ, едва ли заслуживалъ и имя человѣка.

Моего къ нему благоговѣнія не одна сія причина; сколь ни важна она сама по себѣ, но я побуждаюсь еще и тѣмъ, что предметъ, къ коему приступаю, по обширности своей, требуетъ труда и усилій болѣе прежняго. Ибо слѣдуетъ теперь изъяснить порядокъ, какой, по величайшему различію и многообразію встрѣчающихся дѣлъ, въ судебныхъ рѣчахъ наблюдать надлежитъ; показать, въ чемъ долженъ состоять *Приступъ;* какъ *повѣствовать;* чѣмъ усиливать *доказательства,* когда утверждаемъ наши положенія, или опровергаемъ возраженія противника; какія выраженія приличны *Заключенію,* когда или краткимъ повтореніемъ всего дѣла въ памяти судей вдругъ возобновить оное, или возбудить въ нихъ какую нибудь страсть надобно будетъ? Нѣкоторые о каждой изъ сихъ частей писали порознь, какъ бы опасаясь бремени взять на себя все вмѣстѣ, и многіе объ одной изъ нихъ цѣлыя книги издали. Я, осмѣлясь все то соединить въ одно цѣлое, ясно предусматриваю, что принимаю на себя дѣло почти непомѣрное, о коемъ одна мысль меня ужасаетъ. Но, когда уже начали, продолжать должно: если недостанетъ силъ, по крайней мѣрѣ не ослабѣемъ духомъ.

ГЛАВА I.

О ПРИСТУПѢ.

I. Приступъ употребляется для того, чтобъ снискать благосклонность, обратить вниманіе и удобопреклонность. II. О благосклонности. Она снискивается или отъ лицъ; ихъ пять: 1) Защитникъ дѣла. 2) Ходатай стороны противной. 3) Истецъ. 4) Отвѣтчикъ. 5) Судья. — Или отъ тяжебныхъ дѣлъ. — Или отъ дѣлъ, которыя къ тяжбамъ или лицамъ прикосновенны. III. О вниманіи. IV. О пріязни. V. Сіи три обстоятельства потребны вмѣсто пяти различныхъ родовъ дѣлъ. VI. Когда и какъ употребляется вкрадчивость, составляющая другой видъ приступа. VII. Какъ составить легче приступъ. — Выводится прямо отъ рѣчи защитника противной стороны. — Оный долженъ быть скроменъ. — Избѣгать подозрѣнія въ искуствѣ, и не быть дерзкимъ въ выраженіяхъ. VIII. Какой слогъ, какой способъ и какія фигуры приличны приступу.... Особенно какіе недостатки въ немъ бываютъ. IX. Не всегда нуженъ приступъ. X. О переходѣ отъ приступа къ слѣдующей части.

I. То, что мы называемъ началомъ или приступомъ (principium vel exordium), Греки вырази-

тельнѣе, кажется, именуютъ *προοίμιον*: ибо мы означаемъ только просто начало, а они довольно ясно показываютъ, что часть сія есть вступленіе предварительное въ дѣло, о коемъ говорить намѣреваемся. Они заимствовали свое рѣченіе или отъ *οἴμη* (пѣсня), или отъ того, что музыканты, прежде настоящей пѣсни, наигрываютъ нѣчто для обращенія къ себѣ вниманія: Ораторы тѣмъ же названіемъ означали и часть рѣчи, которую, еще прежде изложенія самаго дѣла, употребляли для снисканія отъ судей благосклонности: или отъ того, что слово *οἶμον* значитъ дорогу, и такъ стали называть то, что̀ говорить прежде вступленія въ дѣло: и дѣйствительно, таковымъ приступомъ преклоняется въ нашу пользу судья прежде, нежели узна́етъ сущность дѣла.

Начало или приступъ дѣлается единственно для того, чтобы предварительно расположить слушателя и къ прочимъ частямъ рѣчи. Сей цѣли, по замѣчанію многихъ писателей, достигаемъ трояким образомъ, т. е. когда сдѣлаемъ его къ себѣ благосклоннымъ, внимательнымъ, пріязненнымъ. Я не говорю, чтобы сего и въ продолженіи всей рѣчи наблюдать не надлежало, но что это наиболѣе нужно въ началѣ; поелику симъ располагается судья къ благосклонному выслушанію и послѣдующихъ частей дѣла.

II. Для снисканія благосклонности заимствуемъ мысли или отъ лицъ, или отъ существа и обстоятельствъ самаго дѣла. Но здѣсь берутся въ разсужденіе не три только лица, то есть, истецъ, отвѣтчикъ и судья, какъ-то многіе думали.

1-е). Ибо содержаніе приступа не рѣдко берется и отъ лица самаго Оратора. И дѣйствительно, хотя онъ о себѣ мало и съ великою скромностію говорить долженъ, однако и то одно уже производитъ сильное дѣйствіе, если онъ почитается за честнаго человѣка. Тогда представится онъ не въ видѣ искуснаго и старательнаго стряпчаго, но въ видѣ безпристрастнаго и вѣрнаго свидѣтеля. Для чего прежде всего надобно показать, что приступилъ онъ къ защищенію дѣла по долгу или родства, или дружбы, и особливо, ежели можно, по долгу гражданина, или слѣдуя какому нибудь значительному примѣру. Безсомнѣнія, тоже самое наблюдать еще болѣе тяжущимся надлежитъ, дабы казалось, что они вступили въ тяжбу по сильнымъ и справедливымъ побужденіямъ, или по самой необходимости.

Но какъ съ одной стороны тѣмъ болѣе довѣренность къ Оратору раждается, когда не будетъ ни малѣйшаго на него подозрѣнія въ корыстолюбіи, или во враждѣ или въ честолюбіи:

такъ съ другой, возбуждается нѣкое тайное въ слушателяхъ участіе и нѣмъ, когда называемъ себя неравными и даже низшими въ дарованіяхъ противъ соперника: каковы суть многіе приступы у Мессалы. Ибо естественно преклоняемся въ пользу слабѣйшихъ: и добросовѣстный судія охотнѣе слушаетъ ходатая, отъ коего не видитъ опасности для своего правосудія. Отъ сего-то древніе старались прикрывать даръ слова, вопреки самохвальству нынѣшнихъ Ораторовъ.

Стараться также надобно, чтобъ не показать сварливости, злобы, гордости, злорѣчія, противъ кого-либо частно или противъ цѣлаго сословія, а особенно противъ сословія тѣхъ, коихъ оскорбить, безъ отвращенія доброжелательства къ намъ отъ судьи, не можно. Ибо не говорить противъ судьи не только прямо, но ниже намѣками, давать наставленіе было бы нелѣпо, если бы того не случалось.

2-е). Содержаніе приступа можемъ заимствовать и отъ лица стряпчаго противной стороны: иногда говоря объ немъ и къ чести его, показываемъ видъ, что страшимся его краснорѣчія и общаго къ нему довѣрія, дабы тѣмъ сдѣлать его для судьи подозрительнымъ: иногда изъясняемся объ немъ съ колкостію, но къ сему, какъ можно рѣже прибѣгать должно. При-

мѣръ (*) Азинія, который лице Лабіена, защищавшаго наслѣдниковъ Урбиніи, выставилъ за одно изъ доказательствъ неправости дѣла.

Корнелій Цельсъ отвергаетъ такія вступленія, какъ не изъ существа самаго дѣла заимствуемыя. Но я, убѣждаясь паче примѣрами знаменитыхъ мужей, полагаю, что все то относится къ дѣлу, что относится къ Оратору: ибо естественно, что судьи кого охотнѣе слушаютъ, тому скорѣе и вѣрятъ.

3-е). И о лицѣ истца различнымъ образомъ говорить можно. То выставляется его достоинство, то безпомощное положеніе: иногда вычисляются заслуги, о которыхъ говорить самому надлежало бы скромнѣе, нежели лицу постороннему. Здѣсь великое впечатлѣніе дѣлаютъ полъ, лѣта, состояніе: когда, напримѣръ, говорятъ женщины, старики, сироты за дѣтей, за родственниковъ, за супруговъ. Ибо и одно сожалѣніе можетъ преклонить самаго строгаго судію. Однако всего того надлежитъ въ приступѣ касаться слегка, а не съ избыткомъ.

4-е). Противъ лица соперника почти тоже оружіе употребляется, но только съ противной

(*) Азиній, доказавъ, что Лабіенъ всегда защищалъ неправыя тяжбы, говоритъ: *доказательствомъ неправости дѣла нашей противной стороны служитъ то, что Лабіенъ оное защищаетъ.*

стороны взятое. Ибо сильныхъ преслѣдуетъ зависть, низкихъ и подлыхъ презрѣніе, безчестныхъ и вредныхъ ненависть: сіи три обстоятельства весьма легко удаляютъ благорасположеніе судей. И не довольно еще того, чтобы только выставить ихъ: сіе можетъ сдѣлать и неученый; но надобно многое увеличить, многое уменьшить, дабы извлечь изъ того пользу. Ибо сіе есть дѣло Оратора, а первое зависитъ отъ существа тяжбы.

5-е). Благосклонность судьи снискиваемъ, не только хваля его, что однакожъ дѣлать надлежитъ съ умѣренностію, и что обѣимъ сторонамъ есть общее: но похвалу его нужно наклонять къ выгодѣ нашего дѣла. Напримѣръ, говоря за знатныхъ, представляемъ собственную его знаменитость, ходатайствуя за людей низкаго званія, взываемъ къ его правосудію; защищая несчастныхъ, стараемся произвесть въ немъ сострадание; вступаясь за угнетенныхъ, побуждаемъ его къ строгости; и такъ далѣе.

Не безполезно знать, если можно, и нравственныя свойства судьи. Ибо какъ судьи могутъ быть строгіе, кроткіе и снисходительные, и важные, и неумолимые, и сговорчивые, то и надлежитъ рѣчи или усиливать или умягчать, сообразно свойству каждаго.

Случается иногда, что судья или врагъ намъ, или другъ нашему противнику. Сіе обстоятельство важно для обѣихъ сторонъ, и не знаю, едва ли не болѣе для той, къ которой онъ наклоннѣе кажется. Ибо у безсовѣстныхъ судей бываетъ и та уловка, что противъ пріятелей, или въ пользу тѣхъ, коихъ внутренно ненавидятъ, приговоръ произносятъ, и стараясь казаться справедливыми, дѣлаютъ крайнюю несправедливость.

Нѣкоторымъ случалось быть судьями даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Я нахожу въ замѣчаніяхъ Септимія, что (*) Цицерону случалось говорить рѣчи при подобномъ обстоятельствѣ: я и самъ предъ Царицею (**) Береникою защищалъ ея собственное дѣло. Здѣсь поступать надлежитъ съ такою же осторожностію, какъ и при показанномъ выше случаѣ (***). Ибо

(*) Онъ защищалъ Марцелла, Деіотара, Лигарія, предъ Цезаремъ, противъ его же самаго.

(**) Береника была супруга Птоломея, Царя Египетскаго, дочь Ирода, Царя Іудейскаго, и сестра Агриппы; она была любовница Домитіана.

(***) Т. е. Ораторъ, говорящій противъ судьи, показываетъ, что онъ, полагаясь на правость защищаемой стороны, не боится судьи, хотя сей есть его противникъ. Тотъ же, кто говоритъ за судью, изъявляетъ боязнь, чтобы онъ, по неумѣстной скромности, не сдѣлалъ приговора противъ самаго себя, хотя дѣло его и справедливо.

противникъ выставляетъ благонадѣянность на правость стороны своей, а защищающій судью показываетъ, что боится оскорбить скромность его.

Кромѣ того, надобно стараться опровергать или подтверждать въ судьяхъ принятыя уже ими мысли. Иногда истребляемъ въ нихъ опасеніе, какъ Цицеронъ, говоря за Милона, доказывалъ, что не противъ ихъ вооружены воины Помпея; а иногда наводить страхъ, какъ тотъ же Ораторъ сдѣлалъ, говоря противъ Верреса.

Но есть и другія средства, изъ коихъ одно употребительнѣйшее и приличнѣйшее, внушать имъ предостереженіе, чтобы народъ Римскій не воспріялъ объ нихъ худаго мнѣнія, и чтобы дѣло не было перенесено инуды: другое же оскорбительное и рѣдко употребляемое, когда за неправедный приговоръ угрожаемъ имъ доносомъ; но къ сему прибѣгать безопаснѣе въ многолюдныхъ собраніяхъ, гдѣ удобнѣе и злые удерживаются и добрые торжествуютъ. Однако за такое пособіе браться должно, по мнѣнію моему, только въ тѣхъ случаяхъ, когда истощены уже всѣ другія средства. Если же потребуетъ сего нужда, тогда не будетъ принадлежать сіе къ искуству Ораторскому, такъ какъ и объявлять свое неудовольствіе на ихъ рѣшенія, хотя ча-

сто и полезно то бываетъ, или доноситъ на нихъ прежде, нежели утвердятъ приговоръ свой. Ибо угрожать и доносить можетъ и не Ораторъ.

Когда къ снисканію отъ судей благосклонности можетъ подать средства самое дѣло, то извлекать изъ него надобно для приступа, чтò за полезнѣйшее признается... Не нужно изъяснять, чтò за полезнѣйшее въ дѣлѣ почитать надлежитъ. Ораторъ, разсмотрѣвъ дѣло, легко увидитъ самъ оное: всего, по множеству и различію тяжбъ, исчислить не льзя. Какъ самое дѣло заставляетъ изобрѣтать и увеличивать то, чтò намъ на пользу, такъ оно же научитъ или совсѣмъ отвергать, или уменьшать, чтò во вредъ.

Изъ дѣла также заимствуются средства, какъ возбуждать въ судьяхъ состраданіе, когда представляемъ, коль великій вредъ мы или понесли, или понесемъ. Ибо я не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои разность *Приступа* съ *Заключеніемъ* полагаютъ только въ томъ, что въ первомъ говорится о будущемъ, а въ другомъ о прошедшемъ: я думаю, что приступомъ Ораторъ съ большею краткостію и скромностію касается сострадательности судей; въ заключеніи же позволяется ему излить всѣ чувствія страстей, и влагать въ уста лицъ вымышленныя рѣчи, и воздвигать умершихъ и выводить на свѣтъ жену, дѣтей, и чтò ни было имъ любезнѣйшаго: а

въ приступѣ сіе не такъ употребительно. Но, въ немъ всего того слегка касаться надобно, и все умягчать. Полезно выставлять, что положеніе наше почтено было бы бѣдственнымъ, когда потеряемъ дѣло, а противниковъ нашихъ надменнымъ, когда выиграютъ оное.

Содержаніе приступа заимствуется не только отъ самаго дѣла и лицъ, въ немъ главнѣйше участвующихъ, но и отъ дѣлъ и лицъ, имѣющихъ къ нимъ какое-либо отношеніе. Приводя лица, можно говорить не только о женѣ и дѣтяхъ ихъ, но и о всякомъ родствѣ, дружественныхъ связяхъ, иногда о странахъ и городахъ и о всемъ томъ, что̂ можетъ быть сказано въ пользу защищаемаго нами. Къ дѣлу относятся обстоятельства, внѣ онаго находящіяся, на примѣръ, время, мѣсто, способъ, общественное мнѣніе; отсюда заимствованы приступы въ рѣчахъ Цицерона за Целія, за Деіотара, за Милона, противъ Верреса. Не исчисляя всего, къ дѣлу пріобщить можно также знаменитость судопроизводства, ожиданіе народа, и проч. Все сіе есть внѣ дѣла, однако принадлежитъ къ дѣлу.

Ѳеофрастъ полагаетъ, что и изъ предшествующей рѣчи соперника можно брать приступъ, какъ-то сдѣлалъ Демосѳенъ, говоря за Ктезифона: онъ просилъ судей, чтобы ему позволено было отвѣчать по своему произволенію,

а не такъ, какъ обвинитель своею рѣчью ему предписываетъ.

Самонадѣяніе обыкновенно вмѣняется Оратору въ надменность. Нѣкоторые пріемы, почти всѣмъ общіе, нравятся однако слушателямъ; пренебрегать ихъ не надобно, хотя для того, чтобъ не дать сопернику воспользоваться ими: какъ, на примѣръ, изъявлять желаніе устранять отъ себя подозрѣніе, умолять, показывать заботу и затрудненіе.

III. Судья дѣлается еще внимательнѣе, когда дѣло представится ему, какъ новое, важное, крайне несправедливое, необыкновенное: и особливо, когда судья движимъ будетъ или своею собственною или общественною пользою: тогда надеждою, страхомъ, увѣщаніемъ, просьбами, и даже суетными похвалами, если предвидится отъ того польза, возбуждается въ немъ еще бо́льшее соучастіе. Можно и тѣмъ еще усугубить его вниманіе, когда внушимъ ему, что рѣчь наша будетъ непродолжительна и не отступитъ отъ настоящаго своего предмета.

IV. Нѣтъ сомнѣнія, что и сія одна внимательность дѣлаетъ судью удобопреклоннымъ: но еще болѣе подѣйствуетъ на него то, когда коротко и ясно изложится содержаніе дѣла, которое разбирать онъ долженъ. Такъ Гомеръ и Виргилій начинаютъ свои поэмы. Такой приступъ

долженъ походить болѣе на предложеніе, нежели на изложеніе: здѣсь Ораторъ показываетъ не то, какимъ образомъ какое дѣло происходило, но о чемъ говорить намѣревается. Я не вижу лучшаго сему примѣра, какъ въ рѣчи Цицерона за Клуенція (*): „я замѣтилъ, судіи, что вся „рѣчь обвинителя раздѣлена на двѣ части: одна, „кажется мнѣ, основывается и наиболѣе утвер„ждается на закоренѣлой ненависти къ пригоn„вору, учиненному Юніемъ: другая, по введен„ному только обычаю, робко и безъ всякой увѣ„рительности, касается ядотворства, хотя о „семъ собственно и идетъ здѣсь дѣло.“ Однако способъ сей легче для возражающаго, нежели для предлагающаго: ибо первый только предувѣдомлять судью, а другой совершенно вразумлять его долженъ.

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, знаменитыхъ впрочемъ писателей, кои полагали, что не всегда нужно снискивать отъ судьи вниманіе и удобопреклонность: я знаю, что они такъ думали не потому, что въ неправомъ дѣлѣ не надобно вразумлять судью до очевидной ясности; но для того, что дѣло нерѣдко тер-

(*) Клуенцій былъ обвиняемъ въ томъ, что подкупомъ судей сдѣлалъ, что Оппіанина осудили; а потомъ Клуенцій отравилъ его ядомъ.

пить отъ заблужденія судьи болѣе, нежели отъ невнимательности его. Ибо говорилъ прежде соперникъ, и, можетъ быть, увѣрилъ: намъ нужно обратить судью на противное мнѣніе; а сего сдѣлать не льзя, ежели не сдѣлаемъ его внимательнымъ и благосклоннымъ къ себѣ. Чтожъ? Надлежитъ иное уменьшать, прикрывать и унижать, дабы ослабить въ судьѣ вниманіе, къ противной сторонѣ воспріятое; какъ сдѣлалъ Цицеронъ, говоря за Лигарія. Ибо что̀ иное хотѣлъ онъ произвесть своею ироніею, какъ не то, чтобъ вразумить Цезаря, что дѣло не есть новое и вниманія его не столь достойное? Что̀ имѣлъ онъ въ виду, говоря за Целія, какъ не то, чтобы представить дѣло не столько важнымъ, каковымъ было *почитаемо?*

V. Само собою разумѣется, что изъ предложенныхъ мною способовъ иные употребляются въ такомъ родѣ судныхъ дѣлъ, иные въ другомъ. Многіе полагаютъ пять родовъ дѣлъ: Честное, Низкое, Сомнительное или Невѣрное, Удивительное, Безславное. Нѣкоторые прибавляютъ къ сему Постыдное, что̀ относятъ иные къ Низкому, иные къ Удивительному. Удивительнымъ же называютъ то, что̀ сверхъ чаянія нашего случается. Въ Сомнительномъ особенно потребна отъ судьи благосклонность, въ Безславномъ снисходительность, въ Низкомъ внимательность.

Ибо Честное само по себѣ имѣетъ довольно привлекательнаго: въ Удивительномъ и Постыдномъ нужны пособія.

VI. По сему-то нѣкоторые раздѣляютъ Приступъ на двѣ части, на Начало [redacted] на *Вкрадчивость*. Въ первомъ прямо просимъ отъ судей вниманія [redacted] благосклонности; а какъ [redacted] рѣчи [redacted] дѣлѣ постыдномъ сего сдѣлать невозможно, то преклоняются умы вкрадчивостію, и особенно, когда дѣло вдругъ можетъ показаться неблаговиднымъ, или заключаетъ въ себѣ нѣчто противузаконное, или всѣми не одобряется, или наконецъ, когда надобно отклонять отъ себя укоризну или стыдъ, каковыми покрываетъ насъ присутствіе нашего благодѣтеля, противъ котораго говорить принуждены бываемъ, присутствіе отца, или несчастнаго старца, слѣпца, сироты, коихъ состояніе [redacted] возрастъ дѣлаютъ насъ ненавистными предъ судіями.

И нѣкоторые Риторы противъ сихъ неудобствъ преподаютъ многія правила: они берутъ вымышленные предметы, и излагаютъ ихъ [redacted] образъ судебныхъ рѣчей. Но рѣчи сіи раждаются отъ подлинныхъ тяжбъ, коихъ исчислить въ подробности невозможно; подводить ихъ подъ особыя правила, былъ бы трудъ безконечный. Итакъ въ собственномъ разсудкѣ искать

должно всякому, какъ поступать при толь многоразличныхъ случаяхъ.

Я полагаю общимъ правиломъ только то, чтобы, какъ можно избѣгать мѣстъ для насъ опасныхъ и держаться выгодныхъ. Ежели затрудняетъ насъ дѣло, прибѣгнемъ къ лицу; ежели лице, возмемся за дѣло; а ежели ни то ни другое не поможетъ, постараемся чѣмъ ни есть повредить сопернику. Ибо какъ желательно заслужить болѣе благосклонности, такъ почти столько же желать надобно обратить на себя менѣе недоброжелательства. Ежели встрѣтится обстоятельство, коего отрицать не можно, по крайней мѣрѣ постараемся или уменьшать важность онаго, или представлять, что тутъ не было худаго намѣренія, или доказать, что оно не принадлежитъ къ настоящему дѣлу, или что проступокъ сей можетъ раскаяніемъ быть заглаженъ, или что довольно уже наказанъ. По сему-то говорить въ судѣ стряпчему предстоитъ меньше затрудненія, нежели самому подсудимому: ибо онъ и хвалить безъ нареканія, и хулить иногда съ пользою можетъ. Ему можно также, по примѣру Цицерона, говорившаго за (*) Рабирія Постума, показать видъ, что онъ и самъ охуж-

(*) Здѣсь и самъ Цицеронъ охуждаетъ неблагоразуміе Рабирія, который ссудилъ деньгами Птоломея, изгнаннаго Царя Египетскаго; въ чемъ и былъ обвиняемъ.

даетъ дѣло защищаемаго, доколѣ не вкрадется въ умы судей, и не внушитъ имъ высокаго мнѣнія о своемъ правдолюбіи, дабы они также думали объ немъ и тогда, какъ будетъ оправдывать или отрицать то, что прежде порицалъ.

Вкрадчивость нужна, кажется, и въ такомъ случаѣ, когда нашъ противникъ преклонилъ уже судей на свою сторону, или когда надобно говорить предъ слушателями уже утомленными: первое затрудненіе удалимъ, обѣщая имъ наши доказательства, и опроверженіе доводовъ стороны противной; второе, обнадеживъ краткостію нашего слова, и употребивъ показанныя нами средства къ снисканію благосклонности. И забавная мысль, кстати употребленная, возбуждаетъ умы въ слушателяхъ, и все, что къ удовольствію судьи выдумать можно, прогоняетъ скуку. Не безполезно также начинать рѣчь съ того, что служитъ, по видимому, не въ нашу пользу, какъ сдѣлалъ Цицеронъ, говоря противъ Верреса. „Знаю, сказалъ онъ, коль странно покажется „нѣкоторымъ, что тотъ, который въ теченіи „толикаго числа лѣтъ защищалъ многихъ, ни „на кого не доносилъ, нынѣ приступаетъ къ об„виненію Верреса.“ Потомъ показываетъ, что сіе самое обвиненіе есть защищеніе союзниковъ Римскаго народа. Фигура сія называется *Предвареніемъ* (*πρόληψις*).

Но не довольно еще того, чтобы показать учащемуся, въ чемъ состоитъ сущность приступа, надобно знать, какъ лучше все то употребить въ дѣло. Итакъ прибавлю, что Оратору нужно разбирать, о чемъ, передъ кѣмъ, за кого, противъ кого, въ какое время, въ какомъ мѣстѣ, при какомъ положеніи дѣлъ, и при какомъ вообще направленіи умовъ, говорить ему должно: какое мнѣніе въ судьѣ предполагать можно, прежде нежели рѣчь начнемъ: наконецъ чего мы желать или опасаться имѣемъ причину: тогда самыя обстоятельства сіи покажутъ, съ чего надлежитъ начинать слово. Нынѣ о семъ мало разсуждаютъ у насъ: все, съ чего бы ни начали, почитается приступомъ, и особенно когда удастся прикрасить его какою ни есть блистательною мыслію. Безъ сомнѣнія входитъ въ приступъ многое и изъ другихъ частей рѣчи, или многое есть имъ всѣмъ общее: однако каждой изъ нихъ прилично только то, чего инуды отнести не можно съ такою же пристойностію.

Много краситъ приступъ, когда содержаніе онаго берется отъ предъидущей рѣчи нашего соперника. Тогда онъ кажется не дома приготовленнымъ, но тамъ, и изъ самаго дѣла извлеченнымъ; сія оборотливость увеличиваетъ мнѣніе объ умѣ, и видъ простоты и внезапности слова снискиваетъ такую довѣренность, что и все

послѣдствіе рѣчи, хотя со тщаніемъ обработанной, покажется неприготовленнымъ, когда начало оной представится внезапнымъ.

Но всего приличнѣе начинать рѣчь со всякою скромностію и въ мысляхъ и выраженіяхъ, и лицѣ, и голосѣ: такъ что и въ самомъ несомнительномъ дѣлѣ не надлежитъ показывать излишняго самонадѣянія. Судьѣ не можетъ быть пріятна безпечность въ подсудимомъ. Онъ, зная, сколь далеко простирается власть его, даже молчаніемъ своимъ требуетъ къ себѣ уваженія.

Не менѣе стараться должно избѣгать всякаго подозрѣнія: для сего въ приступѣ не надобно обнаруживать излишняго о красотѣ слова раченія, поелику все искуство говорящаго представится тогда сѣтію, для уловленія судьи разставляемою. Но для избѣжанія сего потребно величайшее искуство. Ибо хотя всѣми учителями, и безъ сомнѣнія весьма справедливо, постановлено то за правило; однако оно, по востребованію обстоятельствъ, измѣняется; въ нѣкоторыхъ судопроизводствахъ, а паче уголовныхъ предъ Центумвирами, сами судьи требуютъ рѣчей съ крайнимъ раченіемъ обработанныхъ, и принимаютъ себѣ за оскорбленіе, если усмотрятъ хотя малую небрежность въ Ораторѣ: хотятъ, чтобъ рѣчь его не только объясняла дѣло, но и забавляла ихъ. Трудно здѣсь

показать настоящія границы: по крайней мѣрѣ сохранить можно средину, если покажемъ, что говоримъ съ точностію, а не съ умышленною хитростію.

Еще заимствуемъ отъ Древнихъ правило, чтобы въ приступѣ не употреблять ни странныхъ по обветшалости или по стихотворческой вольности словъ, ни смѣлыхъ иносказаній. Ибо мы только еще готовимся выступить на поприще, и слушатели обращаютъ на насъ все свое вниманіе. Когда же сдѣлаемъ ихъ благосклоннѣйшими и доброжелательнѣйшими, тогда скорѣе простятъ намъ подобную вольность, и особливо когда станемъ излагать общія мѣста, коихъ свойственное имъ обиліе, при другихъ красотахъ, не допуститъ замѣтить неправильности въ выраженіяхъ.

VIII. Слогъ въ приступѣ долженъ быть отличенъ отъ того, какой употребляется въ изложеніи доводовъ, общихъ мѣстъ, или въ повѣствованіи: однако не всегда слабый, и легкій, или многословный и періодическій, но часто простый и невыработаннымъ кажущійся. Здѣсь ни въ выраженіяхъ, ни въ лицѣ, не надобно обѣщать ничего излишняго. Ибо дѣйствованіе скромное и, какъ говорятъ Греки, (ἀνεπίφατος), иногда скорѣе плѣняетъ умы. Но во всемъ томъ надлежитъ сообразоваться съ чувствіями судей.

Нѣтъ ничего хуже, какъ при самомъ началѣ рѣчи мѣшаться, или запинаться въ словахъ. Худо произнесенный приступъ на безобразное лице походить будетъ; да и по истинѣ, тотъ есть самый несмысленный кормчій, кто еще при выходѣ изъ пристани, корабль свой губитъ.

Приступъ долженъ быть соразмѣренъ дѣлу. Дѣла простыя требуютъ приступа краткаго; запутанныя же, подозрительныя и безчестныя, пространнѣйшаго. Посмѣянія достойны тѣ, кои какъ бы закономъ полагаютъ всякому приступу содержать не болѣе четырехъ періодовъ. Однакожъ и слишкомъ длиннаго приступа избѣгать надлежитъ, дабы не показалось, что тѣло росло въ одну голову, и то, чѣмъ приготовлять должно, не утомляло бы слушателей.

Въ приступѣ обращеніе рѣчи не къ судьѣ, нѣкоторые вовсе отвергаютъ, и не безъ основанія. Ибо признаюсь, что гораздо естественнѣе обращать слово къ тѣмъ, коихъ преклонить на свою сторону стараемся. Однакожъ нужно иногда оживлять сею фигурою свой приступъ: рѣчь, обращенная къ другому лицу, бываетъ сильнѣе и стремительнѣе. Ежели встрѣтится случай, то по какому бы праву или суевѣрію не позволили намъ усилить такимъ образомъ наше слово? Риторы отвергаютъ оное, не яко непристойное, но яко, по мнѣнію ихъ, без-

полезное. Итакъ когда требуетъ польза, мы должны дѣлать сіе по той же самой причинѣ, по которой они запрещаютъ. И Димосѳенъ въ приступѣ обращаетъ рѣчь свою къ Есхину, и М. Туллій, говоря за нѣкоторыхъ, обращается, къ кому за благо разсудитъ, какъ говоря за Лигарія, обращается къ Туберону. Ибо рѣчь его была бы гораздо слабѣе и холоднѣе, если бы онъ далъ ей иный оборотъ. Тотъ скорѣе удостовѣрится въ семъ, кто весь стремительный оный приступъ: *итакъ имѣешь, Тубероно, то, что всего желательнѣе для обвинителя,* и проч. обратитъ къ судьямъ; ибо рѣчь покажется совершенно постороннею и совсѣмъ слабою, если сказать: *итакъ, судіи, Туберонъ имѣетъ, чего наиболѣе желать долженъ обвинитель.* Тѣмъ оборотомъ онъ настоитъ, понуждаетъ, а симъ только бы далъ подразумѣвать. Тоже выйдетъ и у Димосѳена, если оборотъ перемѣнишь. Да и Саллустій въ приступѣ своемъ не прямо ли обратился къ Цицерону, противъ котораго говорилъ, да еще и съ первыхъ словъ? *Съ прискорбіемъ душевнымъ перенесъ я твои, Маркъ Туллій, ругательства.* Также и Цицеронъ началъ рѣчь свою противъ Катилины: *Доколѣ будешь ты во зло употреблять терпѣніе наше?*

И чтобы сказанное нами о фигурѣ *Обращенія* не показалось кому-либо страннымъ, на-

помнимъ, что тотъже Цицеронъ, защищая Скавра, обвиняемаго въ подкупахъ при исканіи Консульства, употребилъ заимословіе; а въ рѣчахъ за Рабирія Постума и тогоже Скавра, обвиненнаго во взяткахъ, приводилъ даже примѣры; наконецъ, за Клуенція (какъ я показалъ выше), началъ *Раздѣленіемъ*. Однако изъ сего не слѣдуетъ, чтобы уже всегда надлежало дѣлать то, что иногда сдѣлано съ успѣхомъ: но когда только разсудокъ заставитъ отступить отъ правила; можно также прибѣгать къ подобіямъ, только краткимъ, къ метафорамъ и другимъ тропамъ (которыя осторожными и слишкомъ разборчивыми Писателями отвергаются), если уже удивительная Иронія, приведенная выше мною изъ рѣчи за Лигарія, кому-либо не нравится.

Съ бо́льшею справедливостію находятъ Риторы въ приступахъ другіе недостатки; какъ напримѣръ, когда приступъ приличествуетъ многимъ суднымъ дѣламъ, тогда называется *Обыкновеннымъ*. Онъ не такъ благосклонно принимается, но иногда не безъ пользы употребляемъ бываетъ, и часто великіе Ораторы сего недостатка не избѣгали. Когда приступъ таковъ, что и противникъ нашъ употребить его можетъ, то называется *Общимъ*; когда противникъ можетъ обратить его въ свою пользу, то именуется *Взаимственнымъ*; когда не свя-

зываенся съ дѣломъ, *Отдѣльнымъ;* когда берется откуда-нибудь, *Переноснымъ;* особливо когда онъ длиненъ, что противно правиламъ. Впрочемъ, многіе изъ недостатковъ сихъ не только въ приступахъ, но и во всей рѣчи, пороками почитаются.

IX. Вотъ правила для приступа, когда онъ нуженъ. Но въ немъ не всегда настоитъ надобность. Ибо онъ иногда и излишенъ, какъ, напримѣръ, въ такомъ случаѣ, когда судья и безъ того довольно уже приготовленъ, или самое дѣло не требуетъ приготовленія. Аристотель и во все отвергаетъ его предъ судьями добрыми; а при томъ же не всегда въ нашей волѣ состоитъ употребленіе онаго: судья бываетъ слишкомъ занятъ, или время для засѣданія кратко, или высшая власть приказываетъ начинать съ самаго дѣла.

И напротивъ, что слѣдовало бы помѣстить въ приступѣ, помѣщается иногда въ другой какой ни есть части рѣчи. Ибо нерѣдко у судей просимъ вниманія и благосклонности, какъ въ повѣствованіи, такъ и въ изложеніи доводовъ; Продикъ почитаетъ сіе за нѣкоторое средство къ возбужденію судей какъ бы отъ дремоты. Цицеронъ употребилъ его, возгласивъ: *К. Варенъ убитъ рабами Ахарія: прошу васъ, судіи, выслушать сіе со вниманіемъ.* Ежели

дѣло многосложно, то при каждой части можно помѣщать нѣкоторое предисловіе, какъ-то: *выслушайте, что наконецъ сказать мнѣ остается;* или: *теперь приступаю къ другой статьѣ.* И въ самыхъ доводахъ находимъ много похожаго на приступы, какъ-то Цицеронъ, защищая Клуенція, извиняется, что будетъ говорить противъ Цензоровъ, и въ рѣчи за Мурену проситъ извиненія у Сервія. Нѣтъ надобности утверждать сего примѣрами.

X. Послѣ приступа, гдѣ онъ нуженъ, переходимъ или къ изложенію, или тотчасъ къ самымъ доводамъ; въ приступѣ должно быть послѣднимъ то, съ чемъ начало послѣдующихъ частей лучше связать можемъ.

Надлежитъ избѣгать той холодной и дѣтской тщаливости Декламаторовъ, кои и самый переходъ составляютъ изъ какой нибудь мысли, которая бы закрывала оный, и тѣмъ нравиться стараются: какъ-то дѣлаетъ Овидій въ *Превращеніяхъ;* но его извиняетъ необходимость: онъ многоразличныя вещи собираетъ въ одно цѣлое. Оратору же какая нужда утаивать переходъ сей, и обманывать судью, который, дабы могъ лучше вникнуть въ порядокъ, долженъ быть о томъ даже предувѣдомляемъ? Ибо можетъ остаться безъ вниманія первая часть изложенія, ежели судья не будетъ предваренъ, что присту-

паемъ къ повѣствованію. И потому, какъ вдругъ и опрывисто, такъ и тайкомъ дѣлать сего перехода не надлежитъ.

Если же изложеніе будетъ нѣсколько длинно и сбивчиво, то надлежитъ предварять о семъ судью, какъ часто дѣлалъ Цицеронъ, и особливо въ рѣчи за Клуенція: *Я начну рѣчь мою нѣсколько издалека; прошу васъ, судіи, благодушно выслушать. Ибо, узнавъ начало, вы удобнѣе вразумитесь во послѣдующее.* Вотъ что почелъ я за нужное сказать о приступѣ.

ГЛАВА II.

О ПОВѢСТВОВАНІИ.

I. Не всегда нужно повѣствованіе. — Повѣствуется или о самомъ дѣлѣ, или о вещахъ, къ дѣлу относящихся. II. Не всегда слѣдуетъ послѣ приступа. III. Что есть повѣствованіе. Оно трояко: 1) или все до насъ касается; и тогда должно быть ясно, кратко, правдоподобно. — Какъ успѣть въ томъ. 2) Или все о противной сторонѣ; и тогда хотя не льзя миновать повѣствованія, но потребна осторожность. — Что наблюдать при ложныхъ показаніяхъ. 3) Или повѣствованіе бываетъ смѣшанное. IV. Опровергается мнѣніе тѣхъ, кои отступленіе, обращеніе, заимословіе, доводы и движеніе страстей вовсе изключаютъ изъ повѣствованія. V. Какъ украшается повѣствованіе. VI. О достовѣрности повѣствованія и о довѣріи къ повѣствующему.

Весьма естественно, и чаще бываетъ и быть должно, чтобъ, пріуготовивъ судью выше показанными средствами, излагать самое дѣло,

на которое онъ произнести приговоръ имѣетъ. Вотъ что есть повѣствованіе....

I. Многіе думаютъ, что повѣствованіе нужно во всѣхъ случаяхъ: но сіе еще бо́льшимъ числомъ Ораторовъ отвергается. Вопервыхъ, бываютъ иныя дѣла малосложны такъ, что требуютъ предложенія болѣе, нежели повѣствованія.

Иногда и съ той и другой стороною случается, что или не о чемъ повѣствовать, или дѣло ясно, а споръ происходитъ только о правѣ, какъ, напримѣръ, предъ Центумвирами: *Сынъ или братъ долженъ наслѣдовать послѣ человѣка, умершаго безъ завѣщанія.* Или хотя бы и могло быть мѣсто повѣствованію, но обсто́ятельства дѣла или уже извѣстны прежде были, или достаточно изложены на другомъ мѣстѣ.

Случается также для одной стороны, и чаще для истца, что или довольно и одного предложенія, или полезнѣе безъ него обойтися. Довольно, напримѣръ, сказать: *извѣстнаго числа данныхъ въ долгъ денегъ требую по условію; а отказанныхъ требую по духовному завѣщанію.* Тогда противной сторонѣ должно изложить, по чему тѣхъ денегъ платить не слѣдуетъ. Иногда же довольно для истца, и гораздо выгоднѣе, указать только на дѣло, какъ-то: *Я говорю, судіи, что Горацій убилъ свою сестру.* Здѣсь изъ одного предложенія ясно уже видитъ судья преступле-

ніе, а изъяснять, какимъ образомъ и по какому побужденію произошло дѣло, принадлежитъ болѣе къ должности защитника. Но обвиняемый избѣгаетъ тогда повѣствованія, когда ни отрицать, ни извинить приписываемаго себѣ обстоятельства не можетъ: онъ ограждается однимъ правомъ: какъ напримѣръ, когда обвиняется человѣкъ въ святотатствѣ, похитившій изъ храма деньги, частному лицу принадлежащія: въ такомъ случаѣ приличнѣе признаніе, нежели повѣствованіе. *Мы не отрицаемъ, что деньги взяты изъ храма. Однако доносщикъ клевещетъ, называя то святотатствомъ; ибо деньги были человѣка частнаго, а не храму посвященныя: вамъ же, судіи, предлежитъ рѣшить, святотатство ли есть сіе.*

Но полагая, что въ сихъ случаяхъ можно опускать повѣствованіе, не соглашаюсь съ тѣми, кои вовсе оное отвергаютъ, когда обвиняемый только отрицаетъ доносъ. Сего мнѣнія держался Корнелій Цельсъ, который почитаетъ за повѣствованіе только краткое показаніе преступленія, которое подлежитъ сужденію.

Я же, слѣдуя впрочемъ мнѣнію знаменитыхъ Писателей, полагаю въ судныхъ дѣлахъ два рода повѣствованій: одно для самаго дѣла, другое для обстоятельствъ, къ дѣлу относящихся. *Я не убилъ человѣка;* здѣсь нѣтъ повѣствованія. Но

потребуется иногда изложить, и, может быть, пространно, признаки сего злодѣянія, предъидущій образъ твоей жизни, причины, по которымъ, при всей твоей невинности, подвергаешься опасности, и другія обстоятельства, которыя взводимое на тебя преступленіе дѣлаютъ невѣроятнымъ. Ибо и доносщикъ не просто говоритъ только: *ты убилъ человѣка;* но, приводя сему доказательства, повѣствуетъ. Такъ у Трагическихъ стихотворцевъ (*) Тевкръ, донося на Улисса въ убіеніи Аякса, говоритъ, что *нашелъ Улисса въ уединенномъ мѣстѣ, подлѣ бездыханнаго тѣла врага, съ мечемъ окровавленнымъ.* Улиссъ не только отвѣчаетъ, что непричастенъ сему ужасному злодѣянію, но еще доказываетъ, что никакой вражды не было между имъ и Аяксомъ, что они состязались между собою только о славѣ. Потомъ сказываетъ, какъ зашелъ въ то уединенное мѣсто, какъ увидѣлъ поверженнаго уже на землю Аякса, какъ извлекъ мечь изъ его раны. Вотъ на чемъ основываются доказательства. Равно и въ такомъ случаѣ не льзя обойтися безъ повѣствованія, когда доносщикъ скажетъ: *Ты былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ твой непріятель. Меня тамъ не было,* отвѣчаешь ты; сего недовольно; надобно сказать, гдѣ ты былъ тогда.

(*) Софокла, Еврипида и Сенеки въ Аяксѣ.

Почему въ дѣлахъ о подкупахъ и взяткахъ тѣмъ больше таковыхъ повѣствованій быть можетъ, чѣмъ разнообразнѣе преступленія. Здѣсь хотя и будешь отрицать самое дѣло, но не льзя не отвѣчать на доказательства противной стороны, иногда на всѣ вообще, иногда на каждое порознь. Не уже ли обвиняемый въ подкупахъ не можетъ приводить въ свое оправданіе ни породы своей, ни собственнаго поведенія, ни заслугъ, которыя подавали ему право къ исканію честей? Не уже ли человѣку, на коего доносятъ во взяткахъ, хищеніяхъ, запрещается оправдывать себя прежними безподозрительными поступками, и выводить наружу, по какимъ причинамъ или цѣлая провинція, или доносщикъ, или свидѣтель злобится? Ежели это не повѣствованіе, такъ и у Цицерона въ первой рѣчи за Клуенція, которая начинается такъ: *Avitus Cluentius Avitus*, не есть повѣствованіе. Ибо тамъ ничего не говорится о ядѣ, а только о томъ, почему Клуенцій ненавидимъ былъ собственною своею матерью.

И тѣ повѣствованія принадлежатъ также къ дѣлу, которыми хотя не самое дѣло излагается, но которыя приводятся для примѣра, какъ въ рѣчи противъ Верреса (7. Ver. 7.) упоминается о Л. Домиціѣ, который велѣлъ ко кресту пригвоздить пастуха за то, что онъ, какъ самъ

признался, убилъ коломъ вепря, подареннаго Домицію. Или для уменьшенія преступленія чрезъ постороннее обстоятельство, какъ въ рѣчи за Рабирія Постума (N. 28.); ибо когда прибыли въ Александрію, къ Авлету, судіи, предложено отъ Царя Постуму хранить деньги только съ тѣмъ, ежели приметъ на себя попеченіе о дѣлахъ Царскихъ. Или для увеличенія преступленія, какъ Цицеронъ (7. Verr. 26.) описываетъ шествіе Верреса.

Вводится иногда и баснословное повѣствованіе или для возбужденія судей, каковое находимъ у Цицерона (N. 59. 60.) за Росція, противъ Хрисогона: или для преклоненія ихъ употребляемъ какую нибудь вѣжливую шутку, какъ сдѣлалъ онъ же (N. 57.), говоря за Клуенція противъ братьевъ Цепазіевъ: иногда для красоты дѣлается нѣкоторое отступленіе отъ самаго дѣла, какъ у Цицерона опять противъ Верреса: *въ сихъ нѣкогда мѣстахъ, сказываютъ, мать* (Прозерпина) *искала дочь свою.* Все сіе ясно доказываетъ, что не только можно повѣствовать, когда отрицаемъ дѣло, но и самое отрицаніе составляетъ уже повѣствованіе.

Но не должно принимать въ тѣсномъ смыслѣ того, что я выше сказалъ о ненадобности повѣствованія въ такомъ дѣлѣ, которое судьѣ извѣстно. Я подъ симъ разумѣю то, чтобы онъ

не только зналъ дѣло, но чтобы и думалъ, что оное происходило такъ, какъ мы то, для пользы своей, представить стараемся. Ибо цѣль повѣствованія есть не только вразумить судью, но и увѣрить. По чему, хотя бы и не настояло нужды изъяснять ему дѣло, но надлежитъ съ нѣкоторою осторожностію располагать его въ нашу пользу и повѣствованіемъ. Мы скажемъ, напримѣръ, что *хотя дѣло въ существѣ своемъ ему извѣстно, но да позволитъ изложить его въ подробности.* Иногда можемъ взять за предлогъ сему, что для кого либо вновь на совѣтъ призваннаго нужно повтореніе: а иногда то, чтобъ и всѣ предстоящіе неправость соперника нашего увидѣли. Въ такомъ случаѣ, дабы не нанесть скуки слушателямъ, повторяя извѣстное, надобно перемѣнять обороты въ изложеніи, какъ-то: *Вы, судіи, безъ сомнѣнія, помните; и, можетъ быть излишне бы было занимать васъ долѣе; или: но почто я распространяюсь, когда вамъ то совершенно извѣстно;* и тому подобное. А иначе, если повѣствованіе предъ судьею, знающимъ уже предлагаемое дѣло, кажется всегда излишнимъ, то и самыя рѣчи наши могутъ казаться не всегда нужными.

II. Во вторыхъ, часто спрашивается, должно ли повѣствованію слѣдовать непосредственно за приступомъ. Не льзя сказать, чтобъ безъ

основанія нѣкоторые полагали сіе за непремѣнное правило: ибо если приступъ дѣлается для того, чтобы расположить судью къ благосклонному и внимательному выслушанію нашего слова, и если доказательства не могутъ быть дѣйствительны, прежде, нежели судья вникнетъ въ дѣло; то и слѣдуетъ, кажется, немедленно приступать къ изложенію онаго.

Но ходъ сей измѣняется иногда положеніемъ дѣлъ. Маркъ Туллій, въ прекрасной рѣчи своей за Милона, весьма удачно помѣстилъ повѣствованіе, уже по изслѣдованіи трехъ вопросовъ. Лучше ли бы сдѣлалъ онъ, ежели бы вдругъ началъ расказывать, какимъ образомъ Клодій устроялъ ковы противъ Милона, не доказавъ прежде, что виновный, признающійся въ убійствѣ, не есть еще по сему достоинъ смерти; или что Милонъ осужденъ Сенатомъ преждевременно; или что Кн. Помпей, окружившій судъ вооруженными воинами, явно показалъ недоброхотство къ Милону? Итакъ и сіи предварительныя статьи могутъ имѣть силу приступа; ибо онѣ также служатъ къ пріуготовленію судьи. Но въ рѣчи за Л. Мурену повѣствованіе слѣдуетъ уже за опроверженіемъ доводовъ противной стороны. Симъ способомъ не только отвергнуть обвиненіе, но и обратить оное на другаго можно. Ибо, устраняя отъ себя взводимое на насъ преступ-

леніе, дѣлаемъ повѣствованіемъ начало посторонняго уличенія: какъ мечебойцы стараются прежде отражать, а потомъ уже наносить удары.

Не рѣдко бываютъ и такія дѣла, въ которыхъ преступленіе, о коемъ разсуждается, легко оправдать можно; но прежнія многія и тяжкія злодѣянія подсудимаго дѣлаютъ великое затрудненіе Оратору: тогда надлежитъ прежде всего загладить худое мнѣніе объ немъ, дабы судья благосклоннѣе выслушалъ то дѣло, о которомъ тогда рѣчь идетъ. Надобно защищать М. Целія, обвиняемаго въ томъ, что отравилъ ядомъ Клодію; Целій прослылъ человѣкомъ развратнымъ, любострастнымъ, неистовымъ; не лучше ли сдѣлаетъ защитникъ, если постарается прежде опровергнуть худые объ немъ слухи и удалить устремленныя на него нареканія, на чемъ вся рѣчь Цицеронова основана, прежде нежели будетъ оправдывать его въ отравленіи Клодіи; потомъ коснется слегка и добрыхъ его качествъ; наконецъ изъяснитъ все дѣло, которое составляетъ главный предметъ Оратора?

III. Теперь скажемъ нѣчто о слогѣ повѣствованія. Повѣствованіе есть изложеніе подлиннаго или за таковое пріемлемаго событія, способствующее къ увѣренію; или, какъ опредѣляетъ Аполлодоръ, есть рѣчь, вразумляющая слушателя въ существо тяжебнаго дѣла.

*

Многіе писатели, и особенно послѣдователи Исократа, хотятъ, чтобъ повѣствованіе было ясно, кратко, правдоподобно. Я того же мнѣнія: хотя Аристотель въ разсужденіи краткости не согласуется съ Исократомъ, и отвергаетъ сіе правило съ насмѣшкою, говоря, что какъ будто бы средину въ томъ наблюдать запрещалось. Ѳеодоръ и ученики его оставляютъ только правдоподобіе, поелику излагать и кратко и ясно не всегда бываетъ полезно. Я постараюсь объяснить различныя качества повѣствованія, дабы можно было видѣть, что и гдѣ приличнѣе.

Повѣствованіе быть можетъ или все въ нашу пользу, или все въ пользу противной стороны, или смѣшанное, то есть, въ пользу той и другой стороны.

1-е). Ежели оно все въ нашу пользу, то надлежитъ довольствоваться тѣми тремя качествами, которыя судью наиболѣе вразумляютъ, способствуютъ его памяти, увѣряютъ его. Да не вмѣнится мнѣ въ предосужденіе, что я и въ такомъ повѣствованіи, которое все въ нашу пользу, и слѣдовательно истинно, требую правдоподобія. Ибо многое есть хотя истинно, но мало вѣроятно, и напротивъ, ложное часто бываетъ правдоподобно. Итакъ стараться надобно, чтобы и истинное и ложное равно было для судьи вѣроятно.

Упомянутыя мною качества не меньше потребны и въ другихъ частяхъ рѣчи. Ибо надлежитъ во все продолженіе слова избѣгать темноты, повсюду наблюдать мѣру, и не говорить ничего превышающаго вѣроятіе. Держаться сего правила должно особливо въ той части рѣчи, гдѣ судьѣ предварительно подаются нужныя свѣденія: ибо ежели онъ или не вразумится въ дѣло, или не удержитъ его въ памяти, или найдетъ невѣроятнымъ, то вознаградить сей недостатокъ въ послѣдствіи рѣчи будетъ трудъ напрасный.

Повѣствованіе же будетъ ясно и вразумительно, когда Ораторъ изложитъ его словами свойственными и точными, впрочемъ не низкими, но и не выисканными и вышедшими изъ употребленія: во вторыхъ, когда раздѣлитъ предметы, лица, времена, мѣста, причины; и когда самое произношеніе свое принаровитъ такъ, чтобы судья внятно и безъ труда могъ его разслушать.

Сего-то не наблюдаютъ многіе изъ нашихъ Ораторовъ, кои, ища рукоплесканій отъ шумной и часто случайно собравшейся толпы народной, не могутъ сносить внимательнаго молчанія слушателей, и судятъ о своемъ краснорѣчіи только по смятенію и восклицаніямъ, ею производимымъ: изъяснять дѣло просто имъ кажет-

ся слишкомъ обыкновенно, и всякому неученому свойственно. Такимъ образомъ, презираютъ сіе, какъ самое легкое, и не знаю, по тому ли, что дѣлать того не хотятъ, или паче не могутъ. Ибо искусившіеся въ Краснорѣчіи почитаютъ за самое трудное дѣло, заставить слушателя подумать, что и онъ могъ бы сказать тоже самое; поелику слушатель судитъ здѣсь не о красотѣ, а объ истинѣ. Итакъ Ораторъ краснорѣчивъ только тогда, когда кажется всѣмъ, что онъ говоритъ правду. А нынѣ повѣствованіе почитается за открытое поле для велерѣчія; здѣсь наиболѣе и голосъ возвышаютъ, и головою трясутъ, и руками махаютъ, и въ мысляхъ, и въ словахъ, и въ слогѣ выходятъ за предѣлы: и чтожъ? рѣчь (чудное дѣло) нравится слушателямъ, а дѣло остается непонятнымъ. Но умолчимъ о семъ, дабы, вмѣсто благодарности за добрые совѣты, не навлечь на себя ненависти за охужденіе порока.

Повѣствованіе будетъ кратко, когда оное начнемъ съ того, что̀ всего болѣе нужно знать судьѣ; потомъ, когда не скажемъ ничего, къ дѣлу не принадлежащаго: наконецъ, когда опустимъ все, что̀ только можно опустить безъ нарушенія ясности и выгоды нашей. Ибо иногда бываетъ нѣкоторая краткость въ частяхъ, но въ цѣломъ составляетъ нѣчто пространное. *Я при-*

шелъ на пристань, увидѣлъ корабль, готовый къ отплытію, спросилъ, сколько въ немъ путниковъ, договорился о цѣнѣ, вошелъ на корабль, подняты якори, мы отвалили, поѣхали. Не льзя въ кратчайшихъ словахъ изобразить толь многихъ подробностей; но довольно бы было сказать: *Я отплылъ изъ пристани.* И дѣйствительно, гдѣ послѣдующимъ ясно показывается предъидущее, тамъ не нужно говорить о томъ, что уже разумѣется. Итакъ, ежели хочешь сказать: *Есть у меня сынъ, юношескихъ лѣтъ достигшій,* слѣдующія слова будутъ совсѣмъ лишнія: *Я, желая имѣть дѣтей, женился; у меня родился сынъ; я его воспиталъ уже до юношескаго возраста....*

Но не меньше надлежитъ избѣгать и темноты, которая, при излишнемъ стараніи о краткости, необходима; въ повѣствованіи лучше нѣкоторый избытокъ, нежели недостатокъ. Ибо излишество наводитъ скуку, а опущеніе нужнаго вредитъ дѣлу. По чему и не должно подражать той краткости Саллюстія (хотя она почитается въ немъ за совершенство) и тому отрывистому слогу, который внимательному читателю, можетъ быть, не сдѣлаетъ затрудненія, но для слушателя бываетъ невразумителенъ безъ повтореній; въ читателѣ обыкновенно предполагается болѣе свѣдѣнія, вмѣсто того судья часто изъ сельскихъ жителей избирается: онъ

должень произносить приговорь, совершенно разумѣя сущность производимаго дѣла. Какъ вездѣ, такъ особенно въ повѣствованіи, надлежитъ держаться средины: чтобъ было ни больше ни меньше должнаго.

Но я, совѣтуя наблюдать краткость въ повѣствованіи, не то разумѣю, чтобы въ немъ довольствоваться только простымъ изложеніемъ обстоятельствъ: краткость не исключаетъ украшенія; а иначе была бы рѣчь слишкомъ проста: удовольствіе обманчиво, и рѣчь, когда пріятна, не такъ продолжительною кажется. Идучи по веселой и гладкой дорогѣ, сколько бы ни была длинна, устанешь меньше, нежели идучи по кратчайшей, но неровной и скучной. Итакъ я люблю краткость, но не хочу, чтобы повѣствованіе обнажено было всякой красоты и силы. Ибо слишкомъ простое и повсюду отрывистое изложеніе не столько повѣствованіемъ, сколько невнятною смѣсью назваться можетъ.

Впрочемъ, есть повѣствованія, которыя по существу самаго дѣла должны быть длинны. Я уже показалъ, что послѣднею частію приступа судья приготовляется къ слушанію; послѣ того должно всячески стараться уменьшать нѣсколько пространныя повѣствованія, или удалять скуку, отъ сего происходящую.

Уменьшать можно повѣствованіе, отлагая нѣкоторыя статьи до другаго мѣста рѣчи, однакожъ предъявляя, что̀ именно относимъ. Напримѣръ: *Какія причины имѣлъ произвесть убійство, кто̀ были его сообщники, какія употребилъ для сего средства, скажу между доводами.* А иногда можно и опускать нѣкоторыя обстоятельства, какъ дѣлаетъ Цицеронъ въ рѣчи за Цецинну: *Фульциній умираетъ. Ибо я умолчу о многомъ, яко не принадлежащемъ къ нашему дѣлу.*

Скуку прогоняетъ раздѣленіе слова на части, какъ-то: *Я буду сперва говорить о томъ, что̀ до заключенія обязательства происходило; скажу нѣчто о самомъ обязательствѣ, наконецъ, что̀ послѣ постановленія онаго случилось.* Такимъ образомъ покажутся здѣсь три какъ бы краткія повѣствованія паче, нежели одно длинное. Иногда же не худо различать статьи краткимъ междурѣчіемъ (interfatio), какъ: *Вы слышали, судіи, что̀ доселѣ происходило; теперь прошу выслушать, что̀ за тѣмъ послѣдовало.* Ибо окончаніе предшествовавшаго будетъ служить для судьи отдохновеніемъ, и приготовитъ вниманіе его какъ бы къ новому началу.

Но, ежели не смотря на всѣ сіи предосторожности, порядокъ вещей заставитъ пространнѣе изъясняться, то не безполезно послѣднюю статью оканчивать краткимъ повтореніемъ

сказаннаго прежде, какъ дѣлаетъ Цицеронъ (Pro Lig. 4.) даже въ краткомъ повѣствованіи: *Доселѣ, Цезарь, Кв. Лигарія ни вб чемб винить не можно: вышелб онб изб дому не только безб всякаго намѣренія воздвигнуть войну, но ниже малѣйшаго подозрѣнія вб томб на него не было*, и проч.

Повѣствованіе будетъ вѣроятно, если прежде размыслимъ съ собою, чтобы не сказать чего нибудь противъ здраваго разсудка: потомъ, если изложимъ по приличію главныя причины и побужденія произшествій, къ дѣлу наиболѣе относящихся: если выставимъ, какъ должно, качества лицъ, до коихъ касаются сіи произшествія, когда, напримѣръ, обвиняемаго въ хищеніи представимъ любостяжательнымъ, обличаемаго въ любодѣяніи сладострастнымъ, человѣкоубійцу дерзкимъ. Или когда защищаемъ его, должны утверждать противное. При чемъ берутся въ разсужденіе обстоятельства мѣста, времени, и тому подобное.

Есть и еще способъ излагать съ вѣроятіемъ дѣло; находимъ примѣры въ комедіяхъ и *пантомимахб*. Ибо есть произшествія, которыя естественно одно за другимъ слѣдуютъ и между собою связываются такъ, что, ежели предъидущее изложишь порядочно, то судья уже самъ угадываетъ, о чемъ говорить за тѣмъ хочешь.

Не безполезно иногда вставлять въ повѣствованіи кое-гдѣ и доводы, но такъ, чтобы все то представить въ видѣ повѣствованія, а не доказательствъ. Можно также подкрѣплять предложеніе свое нѣкоторымъ умствованіемъ, однако простымъ и краткимъ; какъ, напримѣръ, говоря объ отравахъ: *Былъ здоровъ, когда поднесли ему ядъ; выпилъ и вскорѣ умеръ; тѣло его раздулось и посинѣло.*

Такое же дѣйствіе производятъ и тѣ пріуготовительныя внушенія, когда обвиняемый представляется сильнымъ, вооруженнымъ, давно злоумышлявшимъ противъ слабыхъ, безоружныхъ, ничего не подозрѣвающихъ. Наконецъ всего того, о чемъ въ доказательство дѣла говорить будемъ, надлежитъ въ повѣствованіи слегка коснуться, то есть, и лица, и побужденій, и мѣста, и времени, и орудія, и случая.

А при недостаткѣ сихъ пособій, не худо иногда признаваться, что злодѣяніе, по которому судъ производится, покажется едва вѣроятно, но истинно, и тѣмъ самымъ еще жесточе; что мы не знаемъ, какъ и для чего совершено оно; что удивляемся тому, но доказать все то надѣемся.

Наилучшимъ же образомъ приготовляется судья, когда намѣреніе наше бываетъ непримѣтно, какъ Цицеронъ съ великою выгодою предва-

рительно изложилъ все, что̀ могло увѣрить судей, что Милона Клодій, а не Клодія Милонъ погубить замышлялъ: весьма разительно сіе искусное простотѣ подражаніе: *А Милонъ, пробывъ того дня въ Сенатѣ до самаго конца засѣданія, пришелъ домой, перемѣнилъ одежду и обувь: пока жена его сряжалась идти со двора, онъ не много отдохнулъ.* Какое спокойствіе, какая холодная безпечность видится въ Милонѣ! Краснорѣчивѣйшій мужъ внушилъ то судьямъ не только представленіемъ обстоятельствъ медленнаго, неторопкаго отъѣзда Милонова, но и выраженіями простыми и обыкновенными, которыя прикрывали высокое его искуство. Если бы здѣсь употреблены были отборнѣйшія выраженія, то бы судьи и самъ защитникъ вышли изъ спокойнаго положенія духа. Многимъ кажется сіе холоднымъ: но это самое и доказываетъ, какимъ образомъ ослѣпилъ онъ слушателей, когда и читателю то едва примѣтно.

Вотъ все, что дѣлаетъ изложеніе вѣроятнымъ. Ибо если нужно преподать кому-либо наставленіе, не говорить въ повѣствованіи ничего противнаго или между собою противурѣчащаго, то безполезны дальнѣйшія правила; хотя нѣкоторые писатели выдаютъ и сіе за тайну, ими удачно открытую.

Къ симъ тремъ качествамъ, необходимымъ въ повѣствованіи, прибавляютъ нѣкоторые возвышенность, хотя и не вездѣ приличную, (ибо въ разбирательствѣ дѣлъ частныхъ о ссудѣ деньгами, о наймѣ дому, о торговомъ договорѣ, о запрещеніяхъ, на что̀ повѣствованіе пышное?) и не всегда полезную; приведенный примѣръ изъ рѣчи за Милона сіе доказываетъ. Мы упомянули, что есть много случаевъ, гдѣ надобно признаваться, извинять, смиряться въ изложеніи: и все сіе несовмѣстно съ возвышенностію. Почему повѣствованію возвышенность рѣчи приличествуетъ не болѣе, какъ и возбужденіе ненависти и сожалѣнія, какъ важность, пріятность и вѣжливость: каждое изъ нихъ похвально на своемъ мѣстѣ, но не льзя ихъ присвоить одному повѣствованію.

Равно и качество, относимое Ѳеодектомъ собственно къ повѣствованію, есть свойственно всѣмъ прочимъ частямъ: онъ хочетъ, чтобъ изложеніе дѣла не только было возвышенно, но и пріятно.

Нѣкоторые прибавляютъ еще *Очевидность*. Не хочу скрывать, что и Цицеронъ приписываетъ повѣствованію многія другія качества; ибо хочетъ, чтобъ оно было не только *ясно, кратко* и *вѣроятно*, но еще *очевидно, принаровлено къ свойствамъ лицъ* и *имѣло достоин-*

ство. Но все сіе въ цѣлой рѣчи наблюдать должно, а сохранять достоинство, гдѣ можно. Очевидность же въ повѣствованіи, по мнѣнію моему, есть великой важности, когда надобно не только сказать, но нѣкоторымъ образомъ представить глазамъ какую нибудь истину. Однако въ ясности заключается и очевидность, которую почитаютъ иные вредною въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надобно прикрывать истину: мысль посмѣянія достойная! Кто хочетъ затмить истину, повѣствуетъ ложное вмѣсто истиннаго: и онъ же долженъ стараться сдѣлать повѣствованіе свое самымъ очевиднымъ.

2-е). Но поелику какъ бы по нѣкоему случаю дошли мы до труднѣйшаго рода повѣствованій, то скажемъ нѣчто и о томъ, какимъ образомъ поступать должно, когда дѣло бываетъ противъ насъ. Нѣкоторые Риторы совѣтуютъ въ такомъ случаѣ опускать повѣствованіе. И по истинѣ нѣтъ ничего легче, какъ не говорить и обо всемъ дѣлѣ. Но если по какимъ либо справедливымъ причинамъ примемъ на себя защищать подобную тяжбу, то что̀ за искуство будетъ признавать молчаніемъ свою неправость? Надѣяться, что судья въ нашу пользу произнесетъ приговоръ по дѣлу, котораго изъяснить ему не хотимъ, значитъ предполагать въ немъ крайнюю несмысленность. Я не спорю, что въ

повѣствованіи можно иное отвергать, иное прибавлять, иное перемѣнять, объ иномъ также и умалчивать: но умалчивать только о томъ, о чемъ говорить не надобно, или о чемъ говорить и не говорить состоитъ въ нашей волѣ. Напримѣръ, для краткости можемъ иногда сказать: *Онъ отвѣтствовалъ на сіе, какъ ему разсудилось.*

Итакъ различимъ роды судныхъ дѣлъ. Ибо въ нѣкоторыхъ идетъ рѣчь не о преступленіи, а о справедливости доноса; тогда, хотя бы предложеніе было противъ насъ, признаваться можемъ; напримѣръ: *онъ похитилъ изъ храма деньги, но частному человѣку принадлежащія: слѣдовательно онъ не святотатецъ.* Однако и въ таковыхъ признаніяхъ тѣ обстоятельства, которыя противникомъ нашимъ представлены ненавистными, позволительно изображать сноснѣйшими; ибо и слуги наши въ проступкахъ своихъ признаются предъ нами, съ уменьшеніемъ важности оныхъ. Иное умягчаемъ, не повѣствуя прямо, а сказавъ нѣчто какъ будто мимоходомъ. *Онъ пришелъ въ храмъ не съ намѣреніемъ*, какъ утверждаетъ противникъ, *похитить; это было неумышленно: однимъ случаемъ, отсутствіемъ стражей, впалъ въ искушеніе, и при видѣ сокровищъ, къ коимъ люди безъ мѣры прилѣпляются, соблазнился.* Но что въ томъ пользы? Укралъ, слѣдовательно сталъ воромъ. Не льзя защищать

преступленія, за которое наказанія не отвергаемъ. А иногда какъ бы сами обвиняемъ защищаемую нами сторону....

Не рѣдко дѣло прежде ограждается простымъ предложеніемъ, а потомъ уже излагается. Напримѣръ, все свидѣтельствуетъ противъ трехъ сыновей, кои злоумыслили на жизнь отца своего: входили поочередно ночью съ убивственнымъ желѣзомъ въ его спальню; когда же ни одинъ изъ нихъ не могъ поднять рукъ на виновника дней своихъ, то по пробужденіи его, во всемъ признались. По законамъ лишаются они наслѣдства. Но ежели бы отецъ, раздѣливъ имъ свое имѣніе, вздумалъ оправдывать ихъ покушеніе на отцеубивство, онъ могъ бы начать такъ: *къ отклоненію закона, довольно сказать, что юноши обвиняются въ отцеубивствѣ, но ихъ отецъ еще живъ, и здѣсь предстоитъ для защищенія дѣтей своихъ. Не нужно расказывать, какъ происходило дѣло; сіе не принадлежитъ къ закону: но ежели вы требуете отъ меня признанія въ моей винѣ, то объявляю, что я былъ отецъ жестокій и только неусыпный стражъ наслѣдства, которымъ дѣти мои лучше бы управлять могли.* Потомъ сказалъ бы: *они подущены отъ молодыхъ людей, у коихъ родители гораздо снисходительнѣе меня: однако я всегда мыслилъ, что они умертвить отца не въ состояніи, какъ-то*

и оказалось на самомъ дѣлѣ. Ибо не нужно бы имъ было обязываться клятвою, когда бы они такое намѣреніе подлинно положили, ниже метать жеребья между собою, если бы каждый изъ нихъ не чувствовалъ ужаса отъ сего злодѣянія. Все сіе и тому подобное можетъ принято быть отъ судей благосклоннѣе, когда первое предложеніе вкратцѣ и съ осторожностію предъ ними изъяснится.

Когда же разъискивается, существуетъ ли дѣло, или какого свойства оно, тогда хотя бы все противъ насъ было, можно ли избѣжать изложенія, не повредя самимъ себѣ? Нашъ противникъ объяснилъ уже дѣло, не только такъ, какъ оно происходило, но все увеличилъ, все представилъ въ дурномъ видѣ, привелъ доказательства, сдѣлалъ сильное заключеніе, судей оставилъ въ негодованіи. Они естественно ожидать будутъ, что̀ мы на то скажемъ; если мы того не сдѣлаемъ, принуждены будутъ положиться на показанія противника, каковы бы ни были оныя.

Какъ? не ужели повторять тоже? Если дѣло идетъ о качествѣ преступленія, какъ-то бываетъ всегда, когда оно уже доказано, то необходимо надлежитъ повторять изложеніе, но только не тѣмъ же способомъ: приведемъ иныя причины, иное побужденіе; иныя мѣста умягчить или извинить можно: роскошество назо-

вемъ веселостію, скупость бережливостію, неопрятность простотою. Наконецъ, лицемъ, голосомъ, всею осанкою постараемся побудить или на милость или на сострадание. Самое признаніе извлекаетъ иногда слезы.

Я вопрошаю несогласующихся со мною, полагаютъ ли они, или не полагаютъ за нужное защищать то, о чемъ не повѣствуютъ? Ибо, когда ни защищать, ни повѣствовать не будутъ, тогда все дѣло въ ничто обратится. А ежели защищать хотятъ, то надлежитъ по крайней мѣрѣ предлагать о томъ, что утверждать намѣреваемся. Итакъ почему не излагать того, что̀ опровергнуто быть можетъ? Дабы достигнуть сего, необходимо надлежитъ объяснить дѣло. Да и какая разница между доказательствами и повѣствованіемъ? Только та, что повѣствованіе есть непрерывное приготовленіе къ изложенію доказательствъ, а доказательства опять составляютъ приличное повѣствованію подтвержденіе.

Итакъ надобно смотрѣть, должно̀ ли сіе изложеніе быть длиннѣе и многословнѣе приготовленія, и полезно ли нѣкоторыми доводами (говорю, доводами краткими, а не разсужденіями) подкрѣплять оное: напримѣръ, мы скажемъ, что первое изложеніе не могло обнять всего дѣла; чтобъ благоволили судіи взять терпѣніе, не

спѣшить своимъ приговоромъ, и ожидали удовлетворительнѣйшаго объясненія. Наконецъ, надлежитъ повѣствовать все нужное, но иначе, нежели изложилъ противникъ, или и совсѣмъ опускать приступъ въ дѣлахъ сего рода: ибо приступы служатъ только къ тому, чтобъ судью сдѣлать къ намъ внимательнѣе. Однако, по общему мнѣнію, они всего нужнѣе въ такихъ случаяхъ, когда надобно изгладить въ судьѣ какое либо неблагопріятное для насъ впечатлѣніе.

(Въ дѣлахъ же, догадкамъ и сомнѣнію подлежащихъ, повѣствованіе имѣетъ часто предметомъ не столько самое дѣло, сколько обстоятельства, къ объясненію онаго служащія. Когда обвинитель даетъ дѣлу оборотъ подозрительный, обвиняемый долженъ отражать подозрѣніе; слѣдовательно и тотъ и другой повѣствуетъ различнымъ образомъ.

Но, возразятъ мнѣ, есть доводы, кои только въ совокупности имѣютъ силу, а порознь бываютъ слабы. Такъ; но здѣсь дѣло не о томъ, надобно ли повѣствовать, а какъ повѣствовать должно. Ибо собирать многіе доводы и излагать ихъ одинъ за другимъ, кто запрещаетъ, если то для насъ выгодно? Что мѣшаетъ и обѣщать, что мы приведемъ еще сильнѣйшіе на другомъ мѣстѣ? По чему и не раздѣлять повѣствованія, не присовокуплять доводовъ къ каждой части,

и такимъ образомъ переходить отъ одной къ другой?

Ибо я не согласенъ и съ тѣми, кои полагаютъ, что надлежитъ повѣствовать тѣмъ самымъ порядкомъ, какъ что происходило: по моему мнѣнію, какъ для насъ полезнѣе, и въ такомъ случаѣ можно прибѣгать ко многимъ фигурамъ. Иногда притворяемся, что мы нѣкоторое обстоятельство забыли, и помѣщаемъ тамъ, гдѣ оно производитъ болѣе дѣйствія; иногда увѣряемъ судей, что мы опять возвратимся къ своему предмету; что отступленіе наше еще болѣе объяснитъ дѣло; а иногда, изложивъ все дѣло, присовокупляемъ причины, предшествовавшія оному. Ибо нѣтъ неизмѣняемаго правила, какъ защищаться. Надобно сообразоваться съ сущностію дѣла, со временемъ и другими обстоятельствами. Въ семъ случаѣ поступаемъ, какъ съ нанесенною раною, которую или немедленно лѣчимъ, или, если терпитъ время, только перевязываемъ.

Я не почитаю также непристойнымъ и повторять иногда повѣствованіе, какъ сдѣлалъ Цицеронъ, говоря за Клуенція: сіе не только позволительно, иногда и нужно, особливо по дѣламъ во взяткахъ и хищеніяхъ, и по всѣмъ такимъ, кои многосложны. Ибо держаться строго правилъ съ ущербомъ своихъ выгодъ, было бы

безразсудно. Повѣствованіе для того и полагается прежде доказательствъ, дабы судья зналъ, о чемъ идетъ дѣло. Для чего же не излагать каждой статьи, когда каждую подтверждать или опровергать почитаемъ за нужное? Если можно имѣть какое нибудь довѣріе къ моей опытности, то я точно такъ поступалъ въ судахъ, смотря по надобности, съ одобреніемъ судей и людей просвѣщенныхъ; и (скажу безъ хвастовства, ибо многіе еще живы, съ коими я совокупно занимался судными дѣлами, и кои могутъ меня изобличить, если бы солгать хотѣлъ) мнѣ особенно было поручаемо расположеніе рѣчей, и слѣдовательно повѣствованія. Я не отрицаю однакожъ, что часто лучше слѣдовать порядку вещей. Иногда даже и непристойно и смѣшно перемѣнять оный: какъ-то, напримѣръ, сказать о женщинѣ, что родила, а послѣ объявить, что зачала; или о духовномъ завѣщаніи, что оно открыто, а потомъ, что оно подписано. Въ такомъ случаѣ, если опустишь обстоятельство, предшествовать долженствующее, то всего лучше объ немъ и не упоминать.

Бываютъ иногда повѣствованія и ложныя; онѣ раздѣляются на два рода: однѣ основываются на внѣшнихъ доказательствахъ, какъ, напримѣръ, Публій Клодій, положась на подкупленныхъ свидѣтелей, утверждалъ, что онъ въ ту

ночь, въ которую произведено имъ кровосмѣшеніе въ Римѣ, будто бы находился въ Интерамнѣ. Другія зависятъ отъ ума и искуства Оратора.

Но въ обоихъ случаяхъ наблюдать надобно, во первыхъ, чтобъ выдумываемое нами было по существу своему статочное; во вторыхъ, чтобы лицу, мѣсту и времени приличествовало, и имѣло во всемъ видъ вѣроятности; и наконецъ, гдѣ возможно, связывалось бы съ какимъ ни есть истиннымъ произшествіемъ, или подтверждалось доводомъ, изъ существа дѣла взятымъ. Ибо все постороннее дѣлаетъ ложь видимою.

Особливо надобно въ изложеніи вымышленныхъ обстоятельствъ остерегаться противорѣчія. Ибо часто случается, что иныя подтверждаютъ нѣкоторую часть рѣчи, а вообще съ содержаніемъ ея разногласятъ. Сверхъ того, не должно вводить ничего такого, что̀ доказанной истинѣ противно. По сему-то Оратору надлежитъ въ продолженіе всей рѣчи крѣпко помнить, что̀ выдумаетъ, поелику, говоря ложное, легко можно съ рѣчей сбиться: и справедлива пословица, что лгуну надобно имѣть хорошую память....

Но мы сказали, что должно избѣгать тѣхъ подложныхъ повѣствованій, которыя свидѣтелемъ опровергнуты быть могутъ. Онѣ изобрѣтаются нами по нашему произволу, и о лживости ихъ только мы сами знать должны. Также

берутся отъ свидѣтельства умершихъ: ибо сего никто отрицать не будетъ; такія еще, которыя извѣстны только тѣмъ лицамъ, коимъ молчать о томъ столько же полезно: они отрицать не будутъ. И даже отъ самаго противника нашего: ибо отрицанію его не повѣрятъ. Сновидѣнія же и другія суевѣрія, по удобству прибѣгать къ нимъ, потеряли уже все къ себѣ довѣріе.

Но такія уловки въ повѣствованіи должны одна другую поддерживать въ продолженіи всей рѣчи, тѣмъ паче, что нѣкоторыя изъ нихъ отъ настоятельныхъ утвержденій только получаютъ достовѣрность: напримѣръ, тотъ *паразитъ* (прихлебатель), который, видя юношу, три раза богатымъ человѣкомъ отверженнаго отъ наслѣдства и потомъ прощеннаго, вздумалъ утверждать, что то сынъ его, покажетъ видъ правдоподобія, когда объявилъ, что онъ по бѣдности своей принужденъ былъ его покинуть, и для того только искалъ доступа въ домъ богача сего, чтобы тамъ съ бо́льшею удобностію видѣться съ сыномъ, слѣдовательно юноша невинно былъ трижды отверженъ, поелику не былъ сынъ отвергавшаго. Однако ежели во всѣхъ словахъ своихъ не покажетъ любви родительской, и еще самой горячайшей, ежели не выразитъ ненависти богача къ юношѣ и своего опасенія, если онъ останется въ такомъ домѣ, гдѣ его не тер-

тать; то не избѣжитъ подозрѣнія, какъ требователь подложный....

3-е). Когда въ повѣствованіи одна часть въ пользу нашу, а другая не въ пользу, тогда смѣшивать ли ихъ, или раздѣлять, покажетъ существо самаго дѣла. Ибо если больше противнаго намъ, то благопріятное уничтожается. Итакъ лучше раздѣлять тогда, и изложивъ и подтвердивъ то, что въ нашу пользу, противъ всего прочаго употреблять показанныя выше пособія. Если болѣе благопріятствующихъ намъ обстоятельствъ, то можно и соединять ихъ съ неблагопріятствующими, дабы сіи послѣднія, находясь въ срединѣ (*), по примѣру вспомогательныхъ войскъ, имѣли менѣе силы. Однако не должно оставлять ихъ совсѣмъ голыми; нужно и благопріятствующее намъ утверждать какимъ нибудь краткимъ разсужденіемъ, и неблагопріятствующее опровергать, обличая недостовѣрность онаго: ибо, если не сдѣлаемъ сего раздѣленія, то и полезное намъ, смѣшавшись съ противнымъ, можетъ остаться недѣйствительнымъ.

IV. Въ повѣствованіи поставляется еще и то за правило, чтобъ не дѣлать въ немъ от-

(*) Иносказаніе взято отъ устроенія войскъ. Полководецъ обыкновенно ставитъ вспомогательныя силы въ срединѣ, если опасается отъ нихъ измѣны.

ступленія, не отклонять рѣчи отъ судей, не вводить посторонних лицъ, не разсуждать пространно, и, какъ нѣкоторые прибавляютъ, не возбуждать сильно страстей. Изъ сихъ наставленій многія наблюдать почти всегда должно; по нуждѣ только отступать отъ нихъ позволяется, и именно когда надобно сдѣлать повѣствованіе яснѣе и короче.

Нѣтъ рѣже случаевъ, гдѣ было бы нужно отступленіе, да и тогда оно должно быть самое краткое, и таково, какъ будто бы нѣкоею сильною страстію отъ прямаго пути увлекаемся. Примѣръ сему находимъ въ Цицеронѣ (Pro Cluent. N. 25.), когда онъ, говоря о бракѣ (*) Сассіи, возклицаетъ: *О преступленіе во женахъ невѣроятное, и кромѣ сей одной жены доселѣ неслыханное! О необузданное и неукротимое любострастіе! О дерзость безпримѣрная! Не убоялась ни гнѣва боговъ, ни позора отъ людей; не постыдилась ни той самой ночи, ни тѣхъ брачныхъ пламенниковъ, ни прага спальной храмины, ни ложа дочери своей, ниже самыхъ стѣнъ, свидѣтелей уже прежде совершившагося тамъ брака!*

Обращеніе рѣчи къ другому лицу, а не къ судьѣ, и короче излагаетъ мысль, и сильнѣе

(*) Сассія, вопреки божескихъ и человѣческихъ законовъ, побудила зятя своего развестись съ женою, и вступить въ бракъ съ собою.

убѣждаетъ. О сей фигурѣ я того же мнѣнія, какъ изъяснился, говоря о приступѣ (стр. 250.); тоже разумѣю о заимословіи. Однако не одинъ Сервій Сульпицій употребилъ такое обращеніе, говоря за Авфидію (7. Verr. 205. 116.): *тяжкимъ ли сномъ, или совершеннымъ безпамятствомъ почту тебя удрученнымъ?* Но и Цицеронъ, защищая корабленачальниковъ, тоже сдѣлалъ; ибо состоитъ повѣствованіе и въ сихъ словахъ: *если хочешь войти, дай столько-то,* и проч. (N. 71. 72.) Да и защищая Клуенція, не заставляетъ ли онъ разговаривать Стакена съ Бульбомъ? Не придаетъ ли разговоръ сей бо́льшаго вѣроятія словамъ его? Дабы не показалось, что онъ сдѣлалъ сіе безъ намѣренія, чего однакожъ заключать не льзя о немъ, онъ въ *Раздѣленіяхъ* поставляетъ за правило, *чтобы повѣствованіе было пріятно, возбуждало удивленіе, чтобъ содержало слушателя въ ожиданіи какого ни есть печальнаго заключенія, вмѣщало разговоры разныхъ лицъ, словомъ, все что можетъ трогать умъ и сердце.*

Въ повѣствованіи не должно, какъ я уже сказалъ, прибѣгать къ доводамъ, или только изрѣдка: какъ въ рѣчи за Лигарія говоритъ Цицеронъ: онъ велъ себя въ провинціи такъ, какъ будто бы миръ для него былъ выгоднѣе. Можно въ изложеніи, ежели потребуетъ нужда, приводить причины, побудившія къ какому нибудь

дѣлу, и кратко сказать что̀ ни есть въ защищеніе онаго. Ибо повѣствовать надобно не какъ свидѣтелю, но какъ защитнику. Порядокъ дѣла самъ по себѣ таковъ: К. Лигарій, отправленный посланникомъ въ Африку, поѣхалъ съ К. Консидіемъ. Какой же оборотъ далъ сему Цицеронъ? *Итакъ Кв. Лигарій отправился въ Африку съ К. Консидіемъ тогда, какъ еще ни малѣйшаго подозрѣнія къ войнѣ не было.* И на другомъ мѣстѣ: *не только къ войнѣ, ниже къ подозрѣнію ни малѣйшаго виду не было.* И когда довольно бы было сказать: *Лигарій не хотѣлъ входить ни въ какіе замыслы,* онъ прибавилъ: *нетерпѣливо желая возвратиться въ домъ и увидѣться со своими.* Такимъ образомъ и повѣствованіе свое сдѣлалъ онъ вѣроятнымъ, и произвелъ нужное чувствованіе.

Я удивляюсь, почему нѣкоторые отвергаютъ возбужденіе страстей въ повѣствованіи. Если они хотятъ только, чтобы въ томъ соблюдена была краткость, и бо́льшая умѣренность, нежели въ *заключеніи*, то со мною одного мнѣнія. Ибо распространяться слишкомъ не надобно. А впрочемъ, почему не хотѣть тронуть судью, излагая предъ нимъ дѣло? Почему не хотѣть въ самомъ началѣ, если можно, достигнуть той цѣли, какую предполагаемъ улучить въ концѣ рѣчи; особливо когда уже единожды предва-

римъ судью въ нашу пользу, подвигнувъ его на гнѣвъ или сострадание?

Маркъ Туллій (7. Verr. 161.) не самымъ ли краткимъ изображеніемъ мученій Римскаго гражданина возбуждаетъ всѣ страсти? Представляетъ не только состояніе страдальца, мѣсто и родъ наказанія, но и твердость духа его выхваляетъ; говоритъ, что знаменитый мужъ сей, когда сѣченъ былъ розгами, не воздыхалъ, не просилъ помилованія, а только, въ ненависти къ мучителю и въ надеждѣ на правосудіе, вопіялъ: *Я гражданинъ Римскій* (Verr. 76.). И по дѣлу Филодама, не въ продолженіи ли всего повѣствованія возбуждаетъ въ судіяхъ негодованіе противъ Верреса? Описаніемъ, при повѣствованіи о казни, исторгъ слезы, когда не столько описалъ, сколько предъ самые глаза слушателей представилъ плачущими, отца о смерти сына, а сына о смерти отца. Какое заключеніе болѣе тронуть можетъ? Дожидаться конца рѣчи, чтобъ возбудить сожалѣніе къ такимъ произшествіямъ, о которыхъ повѣствовали со всякимъ спокойствіемъ, бываетъ иногда безполезно. Судья привыкнетъ ихъ слышать и не бывъ тронутъ предъидущимъ, будетъ хладнокровенъ и къ последующему: трудно перемѣнить расположеніе мыслей, единожды въ какую ни есть сторону направленное.

V. Я же, основываясь, правда, болѣе на примѣрахъ, нежели на правилахъ, полагаю, что въ повѣствованіи болѣе, нежели во всякой другой части рѣчи, надлежитъ стараться о украшеніи и чистотѣ слога: но всего больше надобно сообразоваться съ дѣломъ, нами излагаемымъ.

И потому въ дѣлахъ маловажныхъ, каковы почти суть дѣла частныя, украшеніе должно быть просто и соотвѣтственно предмету: въ выраженіяхъ надлежитъ наблюдать строгій выборъ; онѣ въ изложеніи общихъ мѣстъ текутъ стремительно, и въ изобиліи своемъ непримѣтны бываютъ; въ повѣствованіи же должны быть выразительны, и, какъ говоритъ Зенонъ, содержать въ себѣ самую сущность того дѣла, о коемъ предлагаемъ: слогъ, по видимому, простый, но исполненный пріятности; фигуры, не имѣющія ничего въ себѣ стихотворческаго, ничего противъ общаго употребленія, ни тѣхъ вольностей, которыя извиняются только изъ уваженія къ древнимъ писателямъ. Выраженія должны быть самыя чистыя, которыя своимъ разнообразіемъ прогоняли бы скуку и производили удовольствіе въ слушателяхъ: надобно остерегаться, чтобы періоды не имѣли одинакаго паденія, одинакаго окончанія, одинакаго теченія. Ибо повѣствованію несвойственны всѣ другія украшенія; и если оно не будетъ сопровождаемо сею

чистотою выраженій, то по необходимости будетъ низко. Никакая часть рѣчи не обращаетъ на себя столько вниманія отъ судьи, какъ сія: и потому ничто прилично сказанное отъ него не укрывается. Сверхъ сего не знаю, почему, почти всегда легче вѣримъ тому, что̀ слышать пріятно; и отъ удовольствія переходимъ къ довѣрію.

Въ дѣлахъ же важнѣйшихъ позволительно выражать съ бо́льшею силою и то, что̀ можетъ возбудить негодованіе, и то, что̀ производитъ соболѣзнованіе, но такъ, чтобы здѣсь не всѣ были истощены способы, а только бы положены были первыя черты, которыя показали бы ясно будущій образъ всего дѣла. Не худо, по мнѣнію моему, утомленнаго слушаніемъ судью возбудить ко вниманію какою ни есть острою мыслію, но весьма кратко выраженною, какъ сдѣлалъ Цицеронъ (Pro Mil. 29), защищая Милона: *Слуги Милоновы сдѣлали то, чего бы всякой господинъ отъ своихъ слугъ потребовалъ.* Иногда же можно употребить смѣлѣйшій оборотъ рѣчи; напримѣръ: (Pro Cluent. 14.) *Выходитъ замужъ теща за зятя безъ свидѣтелей, безъ согласія родныхъ, при самыхъ бѣдственныхъ предзнаменованіяхъ.* Ежели такъ водилось въ тѣ времена, когда рѣчи сочинялись для пользы, а не для оказательства, и когда еще судебныя разбирательства производи-

лись съ бо́льшею строгостію; тѣмъ паче держаться сего надобно нынѣ, когда исканіе удовольствія не забыто даже при сужденіи и о такихъ дѣлахъ, кои относятся къ потерянію имѣнія, или и самой жизни. До какой же степени можно удовлетворять вкусу нашего вѣка, я покажу на другомъ мѣстѣ. При всемъ томъ признаюсь, что надобно къ сему нѣсколько примѣняться.

VI. Весьма много и подлинныя обстоятельства подкрѣпляются вѣроятнымъ вещей изображеніемъ, посредствомъ коего какъ будто бы самая вещь предъ глаза слушателей представляется. . . .

Наконецъ не умолчу и того, что много придаетъ вѣроятія повѣствованію довѣріе слушателей къ повѣствователю, которую заслужить, безъ сомнѣнія, должны нашимъ добрымъ поведеніемъ, но также и способомъ самаго изложенія, которое чѣмъ важнѣе, чѣмъ благонамѣреннѣе, тѣмъ болѣе будетъ имѣть силы и дѣйствія. Итакъ особенно въ сей части рѣчи надлежитъ избѣгать всякаго подозрѣнія въ коварствѣ и обманѣ; ибо здѣсь наипаче беретъ судья всю потребную предосторожность. Ничто не должно казаться вымышленнымъ, ничто подложнымъ; все да представляется послѣдствіемъ самаго дѣла, а не усиліемъ Оратора. Но у насъ нынѣ пра-

вило сіе отвергается, и почитается уже ничтожнымъ то искуство, которое въ глаза не мечется: напротивъ оно перестаетъ быть искуствомъ, когда слишкомъ обнаруживается. Мы все дѣлаемъ изъ любочестія; похвала есть цѣль трудовъ нашихъ; отъ чего и происходитъ, что, желая блеснуть предъ слушателями, становимся судьямъ подозрительными.

ГЛАВА III.

ОБЪ ОТСТУПЛЕНІИ.

Отступленіе не всегда нужно послѣ повѣствованія. — Когда оно употребляется. — Часто можетъ быть полезно предъ утвержденіемъ. — Оно многообразно. — Каждой части въ рѣчи можетъ приличествовать.

По естественному порядку, за повѣствованіемъ должно слѣдовать подтвержденіе. Ибо для того и излагаемъ дѣло, чтобъ его подтвердить, доказать. Но прежде нежели приступлю къ изъясненію сей части рѣчи, скажу, какъ нѣкоторые думаютъ о семъ предметѣ.

У многихъ есть обычай, по изложеніи дѣла своимъ порядкомъ, тотчасъ обращаться на какое ниесть благовидное и пріятное *общее мѣсто*, и изъяснять оное съ возможнымъ успѣхомъ. Сей обычай отъ хвастливыхъ Декламаторовъ перешелъ и въ судилища, когда Ораторы наши

начали искать не пользы тяжущихся, а своей собственной славы: они боятся, чтобы сухость доводовъ, последующихъ за скромнымъ и краткимъ повѣствованіемъ, не удалила, на нѣкоторое время, того, что можетъ быть пріятно слушателямъ, и не сдѣлала бы рѣчи ихъ холодною.

Здѣсь погрѣшность состоитъ въ томъ, что, не смотря на различіе дѣлъ, наблюдаютъ они сіе правило, какъ будто вездѣ пригодное и даже нужное: и по тому, извлекая разныя мысли изъ другихъ частей рѣчи, наполняютъ ими свое отступленіе, такъ что многое или повторять послѣ понадобится, или уже излагать ихъ будетъ нельзя на своемъ мѣстѣ, поелику помѣщены онѣ, гдѣ имъ быть не надлежало.

Признаюсь, что такого рода отступленія не только послѣ повѣствованія, но и послѣ предложеній, какъ общихъ, такъ и частныхъ, могутъ быть кстати помѣщаемы, если положеніе дѣла того требуетъ, или позволяетъ, и придаютъ рѣчи великую ясность и красоту. Я хочу только, чтобъ онѣ происходили изъ самаго существа предметовъ, и не разрывали естественной связи между ими. Ибо всего приличнѣе послѣ повѣствованія приступать къ доказательствамъ, такъ чтобъ отступленіе могло почесться или концемъ повѣствованія, или началомъ подтвержденія. Итакъ оно можетъ имѣть иногда

мѣсто, когда, напримѣръ, изложенiе какого нибудь злодѣянiя подъ конецъ сдѣлается ужаснѣе, мы продолжаемъ еще говорить, какъ будто бы негодованiемъ увлеченные. Однако поступать такимъ образомъ должно только тогда, когда злодѣянiе не подлежитъ уже никакому сомнѣнiю: надобно прежде доказать, что злодѣянiе подлинно существуетъ; а потомъ уже выставлять, сколь велико оно; а иначе самая гнусность преступленiя обратится въ пользу виновнаго, если о подлинности его не приведемъ предварительно нужныхъ доказательствъ. Ибо чѣмъ необычайнѣе злодѣянiе, тѣмъ труднѣе вѣримъ его событiю.

Можно также не безъ пользы выставить неблагодарность противника, если онъ чѣмъ нибудь отъ тебя одолженъ: или представивъ множество худыхъ дѣянiй его, покажешь опасное слѣдствiе отъ оныхъ. Но здѣсь потребна возможная краткость. Ибо судья, по выслушанiи обстоятельствъ дѣла, желаетъ слышать доказательства, и съ нетерпѣнiемъ ожидаетъ того, на чемъ утвердить ему свой приговоръ. Сверхъ того, остерегаться надобно, чтобы и самаго повѣствованiя не сдѣлать безполезнымъ, обративъ вниманiе слушателей на что̀ либо иное, и утомивъ пустыми разсказами.

Но какъ такія отступленія не всегда бываютъ нужны послѣ повѣствованія, то часто съ успѣхомъ употребляются предъ изъясненіемъ самаго дѣла, и служатъ нѣкоторымъ пріуготовленіемъ; и особливо когда предметъ рѣчи съ перваго взгляду можетъ быть для насъ неблагопріятнымъ; напримѣръ, когда защищаемъ какойлибо слишкомъ жестокій законъ, или требуемъ смертной казни. Предосторожность сія будетъ служить нѣкоторымъ новымъ предисловіемъ для склоненія судьи на наши доказательства: мы здѣсь можемъ говорить свободнѣе и сильнѣе, поелику уже все дѣло судьѣ извѣстно: и сею предосторожностію можемъ смягчить, что слишкомъ жестоко, и приготовить слухъ судей къ тому, что послѣ говорить будемъ, дабы сужденія наши не показались имъ ненавистными. Ибо увѣрить противъ воли ни кого не можно. При семъ надобно знать и свойство судей, то есть, смотрѣть, къ слѣпому ли наблюденію закона больше, нежели къ естественной правотѣ наклонны. По сему самому располагать и рѣчь свою нужно. Впрочемъ, тоже можетъ служить вмѣсто заключенія послѣ всякой статьи нашего слова.

Сію часть рѣчи всѣ Риторы называютъ *Отступленіемъ*. Но бываетъ, какъ я уже сказалъ, много такихъ отступленій: онѣ чрезъ всю рѣчь

могутъ быть употребляемы въ различныхъ оборотахъ: какъ-то хвалимъ лица и мѣста, описываемъ страны, указываемъ на нѣкоторыя событія, не только истинныя, но и баснословныя. Примѣры сего находимъ въ рѣчахъ противъ Верреса: тамъ хвалится Сицилія (4. Verr. 2. 6. 105.), говорится о похищеніи Прозерпины; за Л. Корнелія: прославляются добродѣтели Кн. Помпея: здѣсь неподражаемый Витія, какъ бы увлеченный именемъ великаго Помпея, отступилъ отъ предмета своего такъ, какъ будто бы говорилъ за Полководца сего, а не за Корнелія.

Отступленіе, по моему мнѣнію, есть постороннней вещи изложеніе, изъ порядка вышедшее, но къ пользѣ защищаемаго дѣла принадлежащее. Итакъ не вижу, по чему назначаютъ для онаго мѣсто, которое по порядку вещей слѣдуетъ: и по чему также назначаютъ для онаго особенное содержаніе, когда рѣчь толь многообразно отъ прямаго пути своего уклоняется. Ибо что ни говорится внѣ показанныхъ мною пяти частей, то все есть отступленіе: возбуждать негодованіе, жалость, ненависть, извиняться, ласкать, упрекать, и отражать злословіе, все сіе значитъ отступать отъ порядка, равно какъ и все то, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ, всякое увеличеніе, уменьшеніе, всякое движеніе страстей: а наче тѣ общія мѣста, дѣлающія рѣчь толь красивою

и пріятною, гдѣ говорится о роскоши, сребролюбіи, богочтеніи, должностяхъ гражданскихъ; все сіе, поелику относится къ подтвержденію подобныхъ вещей, не кажется отступленіемъ; ибо имѣетъ связь съ нашими доказательствами.

Но множество вещей, совсѣмъ постороннихъ, входитъ въ содержаніе такихъ отступленій, коими доставляемъ отдыхъ судьѣ, его увѣщеваемъ, умилостивляемъ, просимъ, хвалимъ. Ихъ безчисленное множество; иное приносимъ съ собою готовое, иное родится отъ случая или нужды, когда, напримѣръ, во время самаго дѣйствія, Ораторъ встрѣчаетъ что нибудь неожиданное, какъ-то: внезапный вопросъ, появленіе новаго лица, шумъ, и проч. По симъ причинамъ и Цицерону, говорившему за Милона, въ приступѣ нужно было сдѣлать отступленіе, какъ-то видно изъ его краткой защитительной рѣчи. Но можно нѣсколько и распространиться въ отступленіи, когда оно служитъ приготовленіемъ къ настоящему дѣлу, и когда оконченному подтвержденію придаетъ бо́льшую силу и важность. А ежели сдѣлаемъ отступленіе въ срединѣ, то должно вскорѣ обратиться опять къ тому предмету, отъ коего отступили.

ГЛАВА IV.

О ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Нѣкоторые за повѣствованіемъ полагаютъ тотчасъ предложеніе, какъ часть рода судебнаго: на мнѣніе сіе мы уже (стр. 224) отвѣчали. Но мнѣ кажется, что всякое предложеніе есть начало подтвержденія, не только при показаніи главнаго вопроса или дѣла, но иногда и при каждомъ доводѣ. Мы теперь говоримъ о предложеніи перваго рода.

Оно не всегда нужно. Иногда и безъ предложенія видно, о чемъ идетъ дѣло: особливо если повѣствованіе тамъ оканчивается, гдѣ начинается главное содержаніе дѣла, такъ что нерѣдко за повѣствованіемъ слѣдуетъ краткое повтореніе прежде сказаннаго, какъ-то дѣлается по изложеніи доказательствъ. *Дѣло, судіи, происходило такъ, какъ я изъяснилъ, — злоумышленникъ побѣжденъ, погибъ, сила отражена силою, или лучше сказать, доблесть восторжествовала надъ дерзостію.*

Но иногда предложеніе бываетъ весьма полезно, а паче въ такомъ дѣлѣ, коего оправдать не можно, и гдѣ идетъ вопросъ о справедливости доноса. Напримѣръ, защищая того, кто похитилъ изъ храма частныя деньги, мы скажемъ: *Обвиняется въ святотатствѣ; вашъ долгъ, судіи, разобрать, можно ли его почесть за святотатца.* Чрезъ сіе мы вразумляемъ судью, что онъ долженъ разсматривать единственно тотъ вопросъ, святотатство ли есть взводимое на обвиняемаго преступленіе. Также поступать надобно въ дѣлахъ, неясныхъ и разными случаями перепутанныхъ.

Бываютъ предложенія простыя и сложныя и даже многосложныя. Сіе случается по разнымъ обстоятельствамъ: или соединяются вмѣстѣ многія преступленія; какъ-то доносимо было на Сократа, что и юношество развращаетъ, и вводитъ новыя суевѣрія; иногда же доносъ раздробляется на многія части: такъ обвиняемъ былъ (*) Эсхинъ во лжи, въ неисполненіи порученнаго ему дѣла, въ медленности, въ принятіи подарковъ... Ежели за каждою изъ сихъ статей послѣдуютъ доказательства, тогда родятся многія предло-

---

(*) Эсхинъ былъ отправленъ къ Филиппу, царю Македонскому, съ порученіями отъ Республики: Демосѳенъ послѣ сдѣлалъ на него доносъ.

женія; а ежели изложатся соединенно, то потребуютъ уже раздѣленія на части...

Имѣетъ силу предложенія иногда и то, что̀ само по себѣ не есть предложеніе; если, напримѣръ, изложивъ по порядку обстоятельства дѣла, скажешь: *Вотъ что подлежитъ, судіи, вашему сужденію.* Сіе служитъ напоминаніемъ судіѣ, чтобы обратилъ еще бо̀льшее вниманіе на рѣчь нашу, и какъ бы чувствительнымъ прикосновеніемъ увѣдомленъ былъ, что кончилось повѣствованіе и начинаются доказательства; и при вступленіи нашемъ къ изложенію ихъ, началъ бы и самъ нѣкоторымъ образомъ снова насъ слушать.

ГЛАВА V.

О РАЗДѢЛЕНІИ.

I. Когда и по какимъ причинамъ не нужно раздѣленіе. II. Какую пользу приноситъ. III. Въ чемъ состоитъ достоинство онаго.

Раздѣленіе есть изчисленіе нашихъ или противной стороны предложеній, или и тѣхъ и другихъ изчисленіе, въ порядокъ приведенное.

I. Нѣкоторые почитаютъ *Раздѣленіе* во всякой рѣчи нужнымъ по тому, что и самому дѣлу придаетъ оно бо́льшую ясность, и судью дѣлаетъ внимательнѣе и благосклоннѣе, поелику будетъ онъ знать, о чемъ говоримъ и о чемъ еще говорить намѣреваемся. Напротивъ, другіе полагаютъ, что оно можетъ быть невыгодно для Оратора по двумъ причинамъ: не рѣдко забывается, о чемъ сказать обѣщали, или встрѣчается нечаянно, чего не показано въ раздѣленіи. Но сего не можетъ случиться, какъ развѣ съ человѣкомъ, или вовсе лишеннымъ разсудка,

или, безъ предварительнаго приготовленія, тотчасъ приступающимъ къ дѣлу. Для всякаго жъ другаго, я не знаю лучшаго средства сдѣлать рѣчь свою ясною и внятною, какъ порядочное раздѣленіе оной. Это есть ходъ самый естественный, и весьма много помогаетъ памяти, неуклонно держаться предположеннаго пути въ словѣ.

По чему я не могу согласиться съ тѣми, кои запрещаютъ простирать раздѣленіе далѣе трехъ предложеній. Правда, ежели ихъ слишкомъ много, то могутъ иныя у судьи выдьти изъ памяти и смутить вниманіе. Однако же симъ числомъ, какъ бы закономъ, ограничивать себя не должно, когда дѣло, по необходимости, потребуетъ ихъ болѣе.

А есть важнѣйшія причины, для которыхъ употреблять раздѣленіе не всегда надобно. Во первыхъ, гораздо съ бо́льшимъ удовольствіемъ пріемлются такіе обороты рѣчи, кои не показываютъ приготовленія, а какъ будто бы въ тоже время изъ обстоятельствъ дѣла родились. По сему не безъ пріятности могутъ быть употреблены выраженія: *у меня почти вышло изъ памяти;* и, *мнѣ не приходило на мысль:* и, *вы замѣчаете очень справедливо*, и проч. Изложивъ же прямо свои доводы, отнимешь у нихъ всю пріятность, происходящую отъ новости.

Во вторыхъ, принуждены бываемъ иногда судью обманывать и ослѣплять разными хитростями, дабы онъ другое, нежели какое мы имѣемъ, предполагалъ въ насъ намѣреніе. Ибо есть предложенія иногда непріятныя; судія, предусмотрѣвъ ихъ заранѣе, безпокоится подобно больному, который, еще до приступленія врача къ дѣйствію, увидитъ желѣзо въ рукѣ его. А ежели, не предваривъ судью, начнемъ рѣчь свою, когда еще онъ ничего не подозрѣваетъ, то можемъ надѣяться успѣха, который въ противномъ случаѣ будетъ сомнителенъ.

Въ третьихъ, надлежитъ иногда избѣгать не только раздѣленія предложеній, но и всякаго изложенія оныхъ: надобно слушателя возмутить движеніемъ страстей, и развлечь его вниманіе. Ибо должность Оратора есть не только вразумлять, но сила краснорѣчія въ возбужденіи страстей еще болѣе оказывается. Совсѣмъ противное сему производитъ рѣчь, съ крайнею точностію и осмотрительностію раздробленная, тогда, какъ стараемся отнять у судьи присутствіе духа.

Сверхъ всего того, вещи сами по себѣ слабыя, маловажныя, не получаютъ ли силы отъ числа и своей совокупности? Итакъ не раздѣлять, а соединять паче, и, какъ бы натискомъ, всѣми силами сражаться должно. Однако прибѣ-

гать къ сему средству рѣдко и только въ необходимости надобно, когда разсудокъ принудитъ поступить вопреки разсудку.

Кромѣ сего, во всякомъ раздѣленіи есть какая нибудь статья важнѣе другихъ: выслушавъ ее, судья все прочее почитаетъ уже за излишнее. Итакъ, когда надобно доказывать или защищать многія преступленія, тогда раздѣленіе и полезно и пріятно; слушатель узнаетъ, что̀ за чѣмъ говорить намѣреваемся. Если же одно преступленіе защищаемъ, хотя различнымъ образомъ, то нѣтъ нужды въ раздѣленіи; худо бы раздѣлили, сказавъ: *я покажу, что тотъ, кого защищаю, не можетъ съ вѣроятностію быть подозрѣваемъ въ смертоубивствѣ: покажу, что не имѣлъ ни малѣйшаго побужденія къ убивству: покажу, что онъ въ то время, какъ убитъ человѣкъ, находился за моремъ.* Все то, что сказано въ первыхъ двухъ статьяхъ, безъ сомнѣнія, должно показаться излишнимъ. Ибо судья ожидаетъ важнѣйшаго, и, если онъ терпѣливъ, то и самымъ молчаніемъ своимъ требуетъ исполненія обѣщаннаго отъ защитника; судья же, или занятый многими дѣлами, или важный властію, или суроваго нрава, принудитъ къ тому непріятнымъ образомъ.

По сему нѣкоторые охуждаютъ въ рѣчи Цицерона за Клуенція то раздѣленіе, въ которомъ

обѣщаетъ онъ говоритъ сперва, что *ни на кого еще въ толь важныхъ преступленіяхъ не было доносимо, какъ на Оппіанина, и никто толь достовѣрными свидѣтелями не былъ уличаемъ, какъ Оппіанинъ:* потомъ, что *предварительный судъ произведенъ тѣми же самыми судьями, кои окончательно уже его осудили:* наконецъ, что *покушеніе подкупить судей дѣлано было не отъ Клуенція, а противъ Клуенція.* Здѣсь и дѣйствительно совсѣмъ не нужны двѣ первыя статьи, если Ораторъ послѣднюю доказать могъ. Напротивъ никто, противъ справедливости или противъ здраваго разсудка, не опорочитъ раздѣленія въ рѣчи за Мурену: *я нахожу, судіи, что весь доносъ раздѣляется на три статьи: въ одной опорачиваются нравы Мурены, другою оспаривается право его къ исканію чина, а послѣднею обвиняется онъ въ подкупѣ.* Ибо здѣсь ясно показываетъ существо дѣла; и ни одна статья не дѣлаетъ другой излишнею.

Есть и другой родъ раздѣленія, также многими неодобряемый: *ежели я убилъ его, то убилъ по праву: но я не убилъ его.* Къ чему служитъ первое предложеніе, когда послѣдующее истинно? Они вредятъ другъ другу, и оба теряютъ къ себѣ довѣріе. Если послѣднее несомнѣнно, то его одного и держаться должно; а когда не совсѣмъ полагаемся на оное, тогда и то и другое

употребить можно. Ибо одинъ тѣмъ, а другой инымъ образомъ убѣждается: и тотъ, кто повѣритъ дѣлу, можетъ признать его за правильное, а кто не убѣдится въ справедливости, тотъ, можетъ быть, и въ подлинности дѣла усумнится. Въ такихъ случаяхъ надобно подражать примѣру стрѣляющихъ въ цѣль: для мѣткой руки довольно одной стрѣлы, а для немѣткой нужно пустить многія, въ надеждѣ на случайную удачу. Цицеронъ, защищая Милона, весьма искусно выставляетъ Клодія сперва зачинщикомъ ссоры: потомъ, какъ бы въ дополненіе доказательства, прибавляетъ, что, хотя бы онъ и не былъ зачинщикомъ, то и тогда надлежало бы вмѣнить Милону въ великую добродѣтель и славу, что избавилъ Римъ отъ вреднаго гражданина.

Я однакожъ отнюдь не охуждаю и того способа, о коемъ говорилъ выше: иногда предлагаемъ и не совсѣмъ имовѣрное, по крайней мѣрѣ, располагаемъ чрезъ то слушателя къ принятію послѣдующихъ предложеній. Не безъ основанія простая пословица (*): *Надобно запрашивать лишнее, чтобъ получить, что должно.* Однако да не подумаетъ кто, что на все отваживаться позволительно. Греческіе Риторы даютъ благо-

(*) Эразмъ полагаетъ, что сія пословица произошла отъ купцевъ, кои обыкновенно запрашиваютъ больше, нежели чего вещь стоитъ.

разумное наставленіе *не покушаться на невозможное.*

Но всякой разъ, какъ употребляемъ способъ такого защищенія, о коемъ говорю, надлежитъ стараться, чтобъ первая часть онаго пріуготовляла слушателя къ послѣдней. Ибо можетъ показаться, что кто признается со всею откровенностію, не имѣетъ причины лгать и тогда, когда запираться станетъ. Равнымъ образомъ надобно наблюдать и то, что коль скоро замѣтимъ, что для судьи потребно иное доказательство, кромѣ предлагаемаго нами, нужно обѣщать, что мы тотчасъ говорить о томъ подробно будемъ: особливо если дѣло такого рода касается чѣмъ-либо до цѣломудрія.

Часто случается, что иное дѣло, при всей своей справедливости, можетъ нѣкоторыми подробностями оскорблять цѣломудріе. Въ такомъ случаѣ, дабы судьи слушали съ меньшимъ отвращеніемъ и неохотою, надлежитъ чаще напоминать имъ, что мы будемъ говорить въ защищеніе чести и достоинства; просить у нихъ терпѣливаго вниманія и позволенія продолжать рѣчь въ своемъ порядкѣ. Иногда можетъ Ораторъ показать видъ, что онъ нѣкоторыя обстоятельства объясняетъ будто бы противъ воли тяжущихся, какъ сдѣлалъ Цицеронъ, говоря за Клуенція: иногда, какъ будто бы они сами его

останавливаютъ, и онъ перемѣняетъ оборотъ своей рѣчи: часто обращаетъ къ нимъ свое слово: проситъ ихъ, чтобъ допустили его сказать все откровенно въ ихъ защищеніе. Такимъ образомъ уловляется благосклонность судьи, и онъ, въ надѣяніи, что честь обвиняемаго защитится, будетъ все прочее слушать съ меньшимъ отвращеніемъ. Послѣ сего легче будетъ защищать и цѣломудріе: одна часть другой пособитъ, и судья, въ надеждѣ скромности, будетъ внимательнѣе къ нашей правости, а доказанная правость расположитъ его болѣе уважать нашу скромность.

II. Но какъ не всегда нужно, и даже не всегда умѣстно раздѣленіе, такъ употребленное кстати придаетъ рѣчи весьма много ясности и красоты. Оно не только дѣлаетъ ее вразумительнѣе, извлекая, какъ изъ различной смѣси, изъ множества обстоятельствъ — самую сущность дѣла, и представляя ее очамъ судьи; но и освѣжаетъ слушателя извѣстнымъ окончаніемъ каждой части, такъ какъ въ путешественникѣ много облегчается усталость, когда видитъ надписи на столбахъ, показывающихъ разстояніе по большимъ дорогамъ. Ибо и знать мѣру понесеннаго труда, пріятно, и вѣдать, что еще преодолѣть остается, придаетъ новыя силы. Все, чего конецъ видѣнъ, не можетъ казаться продолжительнымъ. Итакъ справедливо похваляется

рачительность, съ какою К. Гортенсій употреблялъ раздѣленіе, хотя надъ такимъ его и какъ бы по пальцамъ раздѣленіемъ, иногда Цицеронъ слегка издѣвается.

И дѣйствительно есть сему средина: надобно избѣгать особливо раздѣленія и слишкомъ краткаго, и слишкомъ многочленнаго. Ибо непомѣрная краткость много отъемлетъ достоинства у предмета, дѣлая изъ него нѣсколько мелкихъ, такъ сказать, кусковъ, а не членовъ: равно и старающіеся нравиться рачительнымъ и многословнымъ раздѣленіемъ, вдаются въ излишнее, и раздѣляютъ то, что̀ по существу своему нераздѣлимо; не столько умножаютъ, сколько уменьшаютъ предметы, и раздробляя ихъ на великое множество частей, наводятъ тѣмъ самымъ темноту, для избѣжанія коей выдумано раздѣленіе.

III. Какъ раздѣленное, такъ и простое предложеніе, гдѣ только съ пользою употребить его можно, должно быть вопервыхъ ясно и вразумительно; ибо что̀ можетъ быть хуже, когда то самое темно, что̀ говоримъ единственно на тотъ конецъ, дабы всю остальную рѣчь сдѣлать нетемною? Вовторыхъ, кратко и необременено даже ни однимъ излишнимъ словомъ. Ибо раздѣленіемъ показываемъ не то, что̀ говоримъ, а то, о чемъ говорить хотимъ.

Наконецъ, оно не должно содержать въ себѣ ни больше ни меньше надлежащей мѣры. Оно погрѣшаетъ въ излишествѣ, когда или раздѣляемъ на виды то, что̀ довольно бы раздѣлить только на роды; или сказавъ о родѣ, прибавляемъ къ тому и виды, какъ, напримѣръ: я буду говорить о добродѣтели, справедливости, воздержаніи; ибо справедливость и воздержаніе суть виды добродѣтели.

Въ раздѣленіи предлагается то, что̀ есть извѣстнаго, и что̀ есть сомнительнаго въ дѣлѣ: въ извѣстномъ, въ чемъ признается противникъ и въ чемъ мы; въ сомнительномъ, какія причины съ нашей стороны, и какія съ противной. И самая непростительная будетъ погрѣшность, если отступимъ отъ порядка, какой себѣ предположили.

ПОПРАВКИ ВЪ I-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	Напечатано:	Должно читать:
III.	18.	Если и	Если
VII.	11.	поведеніемъ,	поведеніемъ
11.	2.	затмеваетъ	затмѣваетъ
—	27.	пржде	прежде
—	28.	еписать	писать
21.	26.	надмѣвается	надмевается
34.	10.	retiquit	reliquit
58.	19.	жено подобнаго	женоподобнаго
74.	5.	Латинскаго	Латинскаго
95.	19.	отвращеніе	отвращеніе
130.	7.	лоскутковъ,	лоскутковъ
178.	10.	поправился	прославился
179.	15.	καὶ Ἰσοκράτην ἐὰν	Ἰσοκράτην δ' ἐᾶν
201.	3.	и еще	еще
211.	9.	(ὕμερον)	(ἥμερον)
227.	6.	племянниковъ	племянниковъ
234.	1.	Примѣръ Азинія	Какъ напримѣръ Азиній
241.	26.	Оппіанина	Оппіаника
248.	7.	обвѣтшалости	обветшалости
259.	18.	Avitus	habitus
286.	12.	Стакена	Спалена
295.	27.	разсказами	расказами
296.	21.	естественниной	естественной
306.	1.	говоритъ	говорить
—	3.	Оппіанина	Оппіаника
—	5.	Оппіанинъ	Оппіаникъ
316.	13.	Оппіанина	Оппіаника
393.	3.	преступленіе	преступленіе

Стран.	строк.		
398.	12.	Тубе	Тубе-
401.	25.	колѣсницахъ	колесницахъ
430.	7.	(Pro Mar.)	(Pro Mur.)
456.	26.	вскяая	всякая
457.	6.	приправа	приправа
469.	7.	Сенту	Сексту
472.	14.	въ отвѣтахъ	въ отвѣтахъ
473.	8.	надмѣнное	надменное
476.	3.	иной	оной
482.	28.	полѣзнѣе	полезнѣе